

ВЛАДИМИР
КОРЕШКОВ

ПОЧЕМУ Я?

2 часть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Корешков

Почему Я? Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Корешков В. Г.

Почему Я? Часть 2 / В. Г. Корешков — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Олега Сапелова и его команду таких же, как и он, собранную из людей, которых буквально выцарапали в последний миг из костлявых рук ее величества Смерти, кураторы отправляют на выполнение новой, чрезвычайно сложной миссии. Но у Олега очень плохие предчувствия, да и сразу после их высадки на чужую планету все пошло не по плану, не так, как задумывалось. Содержит нецензурную брань.

Голова хоть и была словно набита ватой по самую маковку, но на данный момент представляла собой совсем не вместилище всяких полезных знаний и житейских премудростей, накопленных за не столь долгий отведенный мне Господом срок пребывания на белом свете, а скорее превратилась в живой оголенный пульсирующий нерв. И слово «болела» сюда не совсем подходит. Потому что она, головушка моя бедная, не просто побаливала, типа, там «бо-бо и все». Нет. Она реально раскалывалась и разламывалась на части, как будто в нее без моего ведома просочилась и с комфортом расположилась целая свора проказников-чертенят, и они, эти долбаные слуги Вельзевула, развлекаются тем, что время от времени с завидной и краткой периодичностью запускают новогодние петарды у меня в голове. Ну, не придумали ребята для себя другого, более достойного и интересного занятия. А еще там, внутри, в черепной коробке, где, как нас уверяют так называемые последователи небезызвестного Гиппократы, обзывающие себя врачами (а по мне, так большинство из них жулики и шарлатаны), должно находиться серое вещество, обозначенное ими как человеческий мозг. Так вот, прямо там, в нем, что-то сильно шумело, гудело, звенело, брякало и издавало целый ряд каких-то других непотребных звуков, иногда очень напоминавших пролетающее где-то поблизости и зависшее по какой-то непонятной причине прямо надо мной целое звено боевых вертолетов.

Веки слиплись, и открыть их, дабы обозреть, что меня окружает, без помощи башенного крана, лебедки, ну, или хотя бы маленького завалящего домкратика никак не представлялось возможным. Мир вокруг меня кружился в каком-то дьявольском танце, прилично тошнило.

В общем, мне было нехорошо, а еще ко всему этому надо прибавить раскаленное солнце, которое, нещадно припекая, прожигало кожу насквозь, прожаривая своими безжалостными лучами до самого нутра измученное и абсолютно голое тело. Во рту царил солоноватый, с привкусом железа вкус крови. Язык в сухой гортани распух до невероятных размеров и прилип к нёбу и, как казалось, вряд ли уже являлся частью моего брэнного тела. Пить хотелось нестерпимо. И виной всему тому жуткому состоянию, которое я сейчас испытывал, к моему глубочайшему сожалению, было не близкое и знакомое почти всем чувство старого доброго послепраздничного похмелья. Отнюдь.

Запястья и щиколотки крепко-накрепко связаны грубой веревкой, впившейся в кожу до мяса. Все тело в синяках, ссадинах и кровоподтеках. Судя по всему, я или то, что от меня осталось, сейчас возлегал в крайне неудобной позе на не струганом и, скорее всего, даже не мытом дощатом помосте какой-то повозки, в которой напрочь отсутствовали хоть какие-то элементы, смягчающие ее передвижение по пересеченной местности. Я имею в виду рессоры, амортизаторы, ну, или еще что-нибудь этакое, что бы хоть как-то более или менее скрадывало неровности дороги при езде и облегчало путь едущим в повозке путешественникам. Повозка, когда ее колеса наезжали на препятствие, пусть даже на самый незначительный бугорок или ухаб, проваливаясь в ямку, подпрыгивала как ошалелая, заставляя меня подпрыгивать вместе с ней. А их, этих препятствий, на пути повозки было более чем достаточно, поэтому трясло нещадно, выматывая не только душу, но и доставляя измученному телу дополнительные неудобства в виде вспышек острых, никак не контролируемых приступов дикой боли.

Поскольку заплывшие от синяков веки я открыть не мог, а знать, что вокруг, хотя бы примерно, так, в общих чертах, для общего, так сказать, развития, хотелось (природная любознательность, знаете ли), я, памятуя, что для общения с внешним миром у человека есть не только органы зрения, но еще и такие вещи, как рецепторы обоняния, втянул носом жаркий воздух. Крепко пахло пожухлой сгоревшей на солнце травой, разноцветием степных горько-пряных полынных растений, дорожной пылью, поднятой неспешным, размеренным цоканьем лошадиных копыт. За животными тянулся едкий шлейф конского мускусного пота.

В общем, обычный знойный летний полдень в далекой богом забытой деревне где-то на южных рубежах России на матушке Земле.

Вот только это не юг России и не далекая богом забытая деревня. Да и не Земля это вовсе, а Юпиний – планета, расположенная хрен знает в скольких световых годах и парсеках от Земли, где-то на задворках Вселенной.

«А кто я? И какого хрена я здесь вообще делаю?» – острой вспышкой, подобной молнии, проскользнула мысль в моей многострадальной голове.

Сиюсекундного ответа на поставленный вопрос не последовало. Соображалось крайне туго. Мысли в мозгу ворочались с трудом, как сизифовы камни. Сказывалось то скотское состояние, в котором я пребывал.

«Давай, – сказал я сам себе. – Соберись, вспоминай потихоньку: кто ты и как здесь оказался? Анализируй».

«А чего тут анализировать? Ты, батенька, мудака», – услышал я внутри себя издевательский голосок.

«Мать моя женщина. А это еще кто?»

Голосок, звучащий в моей голове, не в пример мне реагировал на заданный вопрос довольно резво и отвечал достаточно бойко:

«Кто-кто? Дед Пихто, а также Конь в пальто, а также Хрен с бугра, а также...»

«Все, – тормознул я его. – Можешь не продолжать. Я тебя опознал. Ты та сволочь, которая обитает в каждом человеке, утверждает, что живая, но невидима и неосязаема, и имя твое – внутренний голос. А еще вместо того, чтобы проявлять чувство благодарности и уважения к человеку, в теле которого ты обитаешь, ты, как тот паразит-солитер, глжешь его с утра до вечера, учишь уму-разуму да еще и обзываешься всевозможными нехорошими словами».

«Ну, хорошо, – ответил внутренний голос. – Может, тогда подскажешь, как тебя еще называть, если ты и вправду мудака? Ты хоть что-то помнишь?» – спросил он у меня.

И тут я вспомнил все. Волна стыда и полной безысходности накрыла меня как цунами. От этого захотелось выть в полный голос. Я понял, что внутренний голос, обзывая меня мудаком, был мягок, крайне сдержан и чрезвычайно тактичен в оценке моих действий и умственных способностей. Потому что сам себя я бы наградил далеко не столь лестными эпитетами. Даже не знаю, какие непечатные выражения можно подобрать, чтобы по достоинству оценить сотворенную мною безответственную глупость. Проявив преступную халатность, которая может привести не только к моей смерти. Ну и черт бы с ней, хотя умирать тоже совсем не хочется. Здесь дело совсем в другом – на кон поставлено столько всего... И от меня лично зависит не только моя жизнь, но и жизни многих людей, а также, не побоюсь этого слова, авторитет и репутация самой людской цивилизации, а, возможно, даже дальнейшего существования и нормального функционирования оной.

Миссия, за которую я взялся и которую, кстати, сам распланировал, слишком серьезна и ответственна. Перед высшими силами опарафиниться никак нельзя, иначе всех нас ждут тяжелые времена. А еще я убедил всех – не только мою команду, но и наших кураторов – в том, что мой план не только выполним, но и идеален – не имеет изъянов. И что ни при каких обстоятельствах осечки не будет, я ни за что не накосячу. В меня поверили все. Наверное, я был очень убедителен.

«Ага, Олег Сапелов, я так понимаю, все-таки вспомнил?» – поинтересовался мой внутренний голос.

«Да, я вспомнил, – удрученно ответил я. – Кажется, я умудрился накосячить и опарафиниться по полной».

Ну, давайте все по порядку.

Как мы возвращались с Грелиосса – это отдельная история. Нет, сам полет до Земли прошел нормально, в штатном, так сказать, режиме. Самое тяжелое было уложить в индивидуальные капсулы для сна в анабиозе свою команду, особенно Алину.

Она стояла напротив, вперившись в меня жестким прожигающим взглядом. Ее глаза были сухи и уже не могли больше плакать, все слезы она выплакала еще в шаттле, пока мы летели к звездолету. От той милой, мягкой, улыбочивой, непосредственной девушки, появившейся когда-то благодаря моему выбору в нашей команде, не осталось и следа. Поседевшая в одно мгновение и от этого ставшая более взрослой, зрелой, что ли, после того как на ее глазах Юру распорол очередь из автомата.

Раньше я только слышал о таком – что человек от пережитого горя может поседеть в одну секунду, а сейчас пришлось увидеть самому. Хоть Алина и была нашпигована успокоительными, но успокоиться и смириться с утратой любимого она не могла, да и не хотела.

Вот и сейчас, сжимая кулаки и метая молнии, время от времени по привычке направляя седую непослушную прядь волос за ухо, она обвиняла во всем, что случилось, меня и только меня. Причем эпитеты и обороты речи, касающиеся моей особы, она не подбирала, самое ласковое, что я услышал из ее уст в свой адрес, – это (цитирую дословно): «Трусливая сволочь, спрятавшаяся за спину ребят, и ни на что не способный бездушный импотент, думающий только о своей шкуре и возомнивший себя великим военачальником, которому какой-то мудака доверил распоряжаться людскими жизнями».

Я чувствовал себя пригвожденным к позорному столбу, а каждое ее слово было как брошенный в меня камень. Впрочем, я даже не оправдывался: во-первых, понимая, что в чем-то она права, а во-вторых, ей обязательно надо выговориться в своем горе. Конечно, я мог возразить, что наше задание должно было любой ценой быть выполнено, подчеркиваю – любой, но, с другой стороны, я как командир обязан был обеспечить не только выполнение поставленной задачи, но и по возможности сберечь жизни своих подопечных. Конечно, прямой моей вины в том, что так все случилось, не было, просто так сложилось, так карта легла, что уж теперь поделаешь.

Я не перебивал Алину, терпеливо и молча внимал, как она, являвшаяся в свое время для всех нас олицетворением самой добродетели, осыпала меня нелицеприятными и нецензурными проклятиями. Какой-то посторонний, случайно подслушав то, что она сейчас говорила обо мне, наверняка составил бы самое превратное и извращенное мнение о моей скромной персоне.

На защиту чести и достоинства Олега Сапелова, то бишь меня, из команды никто не встал. Жанна и Аня стояли плечом к плечу, хмурились и молча кивали как заведенные, пока меня отчитывала Алина, тем самым показывая, что соглашаются по всем пунктам, с каждым обвинением, выдвинутым против меня. Ну, с ними-то все понятно, эти две, вдруг ставшие закадычными подругами, не могут мне простить то, что я переспал со Светкой – своей бывшей. Особенно активно они кивали, когда Алина в сердцах обвинила меня в мужской несостоятельности, обозвав импотентом. Им почему-то это определение особенно понравилось, и, по-видимому, им казалось, что оно в полной мере и очень точно характеризует меня как индивида. Никогда не постигну женскую логику, она, как мне кажется, полностью извращает само понятие разумности и никак не укладывается в строгие рамки нормальной человеческой – я имею в виду мужской – логики. Ну, ладно, с Жанны взятки гладки, у нас с ней ничего не было (в смысле секса), могло, конечно, состояться, но не дошло. Хотя опять же, если ты не в курсах, то какого хрена соглашаешься? Но мне совершенно непонятно поведение Ани. Она-то чего кивает и поддакивает? Сама Аня уж точно имела возможность, причем неоднократно, испытать на практике весь потенциал моего мужского либидо и особенно той части моего организма, на которую сейчас указывала Алина, огульно обвиняя в том, что именно она, эта очень нужная и крайне важная выступающая часть меня якобы имеет некоторый изъян, вследствие чего полную недееспособность и абсолютную невозможность нормальной работоспособности. Аня могла не только засвидетельствовать лично, что все у меня в порядке с потенцией, но и с гневом отвергнуть все эти грязные инсинуации вокруг моего мужского достоинства.

Но нет. Кивает как китайский болванчик. У-у-у-у-у, кикимора. Одно слово – Всадница без головы. Андрюха тоже помалкивал. Скорей всего, он не был согласен с безапелляционными выводами, вылившимися в непропорциональные и бездоказательные выпады Алины и этих двух волчиц – Жанны и Ани, но вы же понимаете, ни один нормальный мужик, находясь в здравом рассудке, не пойдет против разъяренных дам, это равносильно тому, чтобы самолично засунуть голову в пасть оголодавшему тираннозавру, поэтому он скромно, потупив взор, уперся взглядом в пол и не встревал, определив для себя, что рассматривать рисунок на полу намного интереснее, занимательнее и, главное, безопаснее, чем вступать в дискуссии.

Наконец я почувствовал, что Алина начинает выдыхаться. Возможно, все-таки успокоительные, которые мы с Андрюхой в немереном количестве вкололи ей еще в шаттле, брали верх. Она начала повторяться и пошла на второй круг. Я не стал дослушивать до того места, где она ни за что ни про что намекала на наличие у меня сексуальной дисфункции, приписывая половое бессилие, доставив тем самым в очередной раз удовольствие двум подругам, стоявшим рядом с ней. Поэтому решил перехватить инициативу.

– Все. Хватит, – резко сказал я. – Ты можешь помолчать и выслушать меня наконец?

Получилось хлестко, как пощечина. Алина запнулась на полуслове.

– Я тебя понял и не снимаю с себя ответственность ни на грамм. Наверное, ты права, я такой, как ты меня тут описала. Но сейчас нам надо не посыпать голову пеплом и не разбирать мои морально-этические и физические качества, этим ребят не вернешь. Сейчас надо думать о том, как нам вытащить наших друзей из прошлого, чтобы они были опять тут, с нами, живые и здоровые. Поэтому у меня есть план...

Я выложил Алине то, о чем до сих пор рассказывал остальным: что по прилету на Землю мы все рассказываем Гелле, пополняем команду и возвращаемся на Грелиосс. Выслеживаем и пеленаем Светку, поскольку она в фаворе у целионов, с ее помощью попадаем на их звездолет, на котором имеется установка по вытаскиванию людей из прошлого. Захватываем его, потом вытаскиваем Юру, Карину, Витю и даже алабая Дашку и только после этого передаем звездолет нашим кураторам для изучения. Они уже пусть сами решают: изучать, уничтожить или передать его дальше самому Создателю как доказательство того, что Великий Уравнитель играет не по правилам – крапленными картами.

– Конечно, детали надо еще доработать. Ну, вот, в общих чертах как-то так.

Пока говорил я, кивал только один Андрюха. При упоминании имени моей бывшей на лицах Ани и Жанны появилась горькая презрительная гримаса. Но в глазах Алины забрезжил лучик надежды. Она ожила, и мне показалось, что даже готова была взять все свои слова обо мне назад. Конечно, мой план больше напоминал что-то типа «аля-улю, гони гусей, погнали наши городских». Но для нее это был единственный шанс вернуть любимого. Так утопающий хватается за соломинку, а неизлечимо больной верит любому шарлатану, который пообещает сиюминутное выздоровление.

– Повтори, – твердо попросила Алина, глядя в упор, выискивая, не промелькнет ли в моих глазах хоть искорка неискренности.

Я повторил, потом еще и еще, и лишь только после того, как я поклялся самыми страшными клятвами и всем, что мне дорого, что я вытащу ребят, причем сделал это не один раз, она более-менее успокоилась. После чего сама легла в капсулу и отключилась.

– Ну а вы, красавицы, что ждете? – обратился я к Ане с Жанной и показал рукой на их индивидуальные капсулы.

К Ане после пыток в казематах висбуков зрение пока так и не вернулось, здесь мы уповали на почти всесильную земную медицину. Понимая, что ей самой не справиться, предложил свои услуги:

– Ань, тебе помочь? – обратился я к ней со всей учтивостью, на которую был только способен.

– Без сопливых, – зло ответила она. – Мне Жанночка поможет.

– Конечно, Анечка, помогу. Что за вопрос, – и демонстративно, не обращая на меня внимания (типа мы тебя презираем, чувак), с материнской заботой начала укладывать Аню в капсулу.

Надо же, поражаюсь женщинам, это все-таки особая форма жизни, непостижимая для мужского сознания. Еще когда летели сюда, на Грелиосс, они, мягко говоря, недолюбливали друг друга, постоянно оспаривая пальму первенства, напоминали двух королевских кобр, встретившихся на узкой тропинке, брызжущих ядом в споре, кто проползет первый, готовых в любую секунду вцепиться друг в друга. А сейчас: «Помоги мне, Жанночка», – «Конечно, Анечка».

Я шизею. Как будто с самого детства закадыки – водой не разольешь.

На почве моего соития со Светкой сплотились красавицы.

«Ну и чего ты тогда переживаешь? – как всегда не в кассу из глубин моего сознания выплыл внутренний голос. – Ты же в конечном счете именно этого и хотел – чтобы у нас был здоровый дружный коллектив и чтобы девочки не ругались».

«Я хотел, чтобы наш коллектив был дружен, но не ценой всеобщего ко мне презрения со стороны его женской половины», – возразил я.

«Значит, будь осторожен в желаниях своих», – пожал плечами внутренний голос.

«Спасибо за дельный совет, утырок», – поблагодарил я.

«А может, Олежек, не стоило спать с бывшей? Я понимаю, что было душевно, но все-таки не мешало бы слегка головой подумать, прежде чем штаны снимать», – не унимался он.

«За это я уже не раз покаялся. Бес попутал. И потом, каждый человек имеет возможность ошибиться, и у него должен быть шанс на прощение. Вот, Господь даже блудницу Марию Магдалину простил, и причислили подругу к лику святых».

«Вон куда ты хватанул. Так ты, батенька, не Мария Магдалина, и к лику святых тебя уж точно не причислят, зуб даю».

«Спасибо. Умеешь успокоить и приободрить».

«Пожалуйста, Олежек. Обращайся, если что».

Пока мы беседовали с моим вторым я, Жанна уложила Аню, нажала кнопку на ее капсуле, отправив Всадницу без головы в царство Морфея, где та будет находиться, как и другие члены команды, до прилета на Землю. Сама же, по-прежнему не глядя в мою сторону, начала раздеваться, также готовя себя к сну.

Я загляделся на ее гибкую, как лоза, фигурку и длинные ноги. Да-а-а, что ни говори, а красота спасет мир.

– Вы, двое извращенцев, может, перестанете глазеть? Убирайтесь отсюда, пока я не улягусь, – не поворачиваясь к нам, зло прикрикнула Жанна.

Поскольку ее голос не предвещал ничего хорошего, то мы с Андрюхой быстренько поторопились на выход. Нам с ним еще надо проверить жизнедеятельность звездолета и отправить его в путь – обратно на Землю. В общем, куча дел.

– Да-а... Олег, лихо на тебя девчонки окрысились, – заметил Андрюха, когда мы выскочили из зала в коридор.

– Ты тоже считаешь, что я во всем виноват? – задал я ему вопрос.

– Да нет, Олег, то, что ребята погибли, – это прежде всего стечение обстоятельств. И потом, мы же еще на Земле все знали, на что идем. Погибнуть мог кто угодно: и ты, и я, – это лотерея. Просто ребятам не повезло. А задачу надо было выполнить по-любасу – это было самое главное и первоочередное, и наши потери в счет не идут. Мы с этим справились. Ради этого нас и выгнали из прошлого. Все остальное – это лирика.

– Ну и что же ты свои доводы не донес до наших красавиц? – с ехидцей в голосе поинтересовался я.

Он как будто не заметил моего сарказма. Неопределенно пожал плечами.

– Я очень хорошо понимаю Алину, – продолжил он после секундной паузы. – В том, что погиб Юра, кто-то должен быть виноват – был человек – и нет. Она не хотела искать истину и смотреть на все под другим углом, ей сиюминутно нужен был виновник, и она назначила тебя. Это уже чисто человеческое, так мы, люди, устроены. Эмоции у нас всегда на первом месте, разум – на втором. Ты у нас командир, поэтому как бы отвечаешь за все. Может, придет время, и Алина пересмотрит свою позицию, а может, и нет. Я не могу ее за это корить.

– Да я ее и не корю. Какое я имею право ее корить? – ответил я.

– Что же касается Жанны и Ани, – продолжил Андрюха, – Естественно, что они во всем поддержали Алину. Им тяжело быть объективными – ты предпочел им другую, тем самым нанес им оскорбление, унизил, в общем, сделал очень больно. Они же женщины, и женщины, явно к тебе равнодушные. Поэтому и повели себя так. Если тебя Алина сегодня обвинила бы даже в расстреле в Далласе двадцать второго ноября тысяча девятьсот шестьдесят третьего года тридцать пятого президента США Джона Кеннеди, они бы обязательно согласились с ней, подтвердив ее правоту, и им абсолютно не важно, что ты к этому времени еще не родился. Виновен и все тут. Баста.

Я, тяжело вздохнув, согласно кивнул.

– Может, не стоило тебе спать с бывшей? – начал он аккуратно, как будто ступал на скользкую дорожку. – Неужели нельзя было проявить какую-то выдержку?

– И ты туда же, Брут? – горько усмехнулся я. – Ясен перец, что надо было себя в руках держать. Но ты пойми, Андрюш, это не просто похоть, типа хочу трахаться, аж зубы сводит, и на остальное мне по херу. Я же не «вагинострадалец» какой-нибудь, по ходу, надо срочно пристроить свой член, и неважно, кто будет объектом. Нет. Я полюбил Светку с первой минуты, как только увидел ее. И вряд ли кого-то другого смогу еще так полюбить. Даже после того как мы стали вместе жить и я мог видеть ее каждое утро и каждый вечер, все равно при ее появлении я буквально обмирал от восторга, мое сердце начинало биться чаще, голова кружилась, а кровь буквально закипала в жилах. Я, честное слово, не знал, что такое бывает и что мужчина может что-то подобное испытывать к женщине. Да, когда-то почитывал в книжечках о таких вещах, но всегда думал, что все это сказочки для романтических наивных дурачков и дурех-курсисток, живущих в мире розовых грез и оторванных от реальности, а взаправду такого не бывает. Оказывается, бывает, Андрюш. Я, как влюбленный восторженный мальчишка, не мог наглядеться на нее, не переставал восхищаться ее неземной красотой, тем, как она двигается, как говорит, как смотрит, улыбается. Каждый день благодарил бога за то, что она рядом. Ради нее готов был на все. Попроси она меня прыгнуть с двадцатого этажа – я не задумываясь бы прыгнул, а когда она ушла... казалось, что мне вырвали сердце и жизнь окончилась, наступили вечные сумерки. Не мог найти себя, все валилось из рук. Накатил такой жуткий депресняк, что белый свет был не мил. Наконец после очень долгого отрезка времени, прожитого мной в тоске и полной безнадеге, я научился как-то существовать без нее, и тут неожиданно встречаю, как я думал, ее точную копию. И где? Здесь, на Грелиоссе. Естественно, что мне снесло башню напроць.

– Ты по-прежнему ее любишь? – спросил Андрей.

Я задумался.

– Не знаю, Андрюха. Честное слово, не знаю. Я понимаю, что она чудовище и все такое, но где-то там, в глубине души, наверное, что-то еще осталось. Это как осадок от выпитого кофе.

Андрей посмотрел на меня как-то уж очень пристально, с глубокой озабоченностью. Так обычно смотрят на человека, больного Эболой, по какой-то причине не запрятанного в карантин, а разгуливавшего на свободе, опасаясь, что зараза, которую тот носит в себе, немедленно передастся воздушно-капельным путем всем окружающим. Я понял, что его так беспокоит. Он боялся, что, увидев Светку, я потеряюсь, стану непредсказуем и выкину какой-нибудь фортель.

– Нет, Андрюш, тревожиться не стоит, – твердо сказал я. – Тогда там, на Грелиоссе, у меня была минутная слабость, и мы за нее заплатили слишком высокую цену. Я себе этого никогда не прощу. Ничего подобного больше не повторится. Я тебе это как пацан обещаю. Запомни. Вы для меня самые дорогие и близкие, ставшие здесь, в будущем, моей семьей. Я вас ни за что не предаю и ни на кого не променяю. Никакая Светка не может встать между нами, а тем более как-то повлиять на выполнение нашей будущей операции. Я очень хорошо помню, что она сделала с Аней и как хладнокровно зарезала Карину. Эта сцена будет стоять перед глазами, пока я жив. Плюс на ней лежит ответственность за гибель ребят из других групп. Такое не прощают, Андрюха, даже своим бывшим. И что бы я в прошлом ни испытывал к ней, она такой же враг для меня, как и для вас.

Мы некоторое время шли молча, осматривая каждый закуток звездолета. Андрей что-то обдумывал.

– Хотя, знаешь, Олег, – начал он излагать свои мысли вслух, когда мы уже, осмотрев весь корабль, подошли к залу управления, – я тут помозговал, а ведь как знать, если бы не твой интимчик с бывшей, то, возможно, у нас ничего бы не вышло.

– Ты про что?

– Ну, посуди сам. Взяв Светку в плен, с ее помощью проникли на хорошо охраняемый засекреченный объект. Не только выполнили поставленную задачу, но и Аню спасли.

– Но потеряли при этом Карину и Витю, а чуть позже и Юру, – напомнил я.

– Но, с другой стороны, если мы пошли бы в лоб с криками «Ура...» и начали штурмовать объект, как изначально было задумано, то, скорей всего, полегли бы там все на хрен а что самое паскудное – еще и возложенную на нас миссию сто пудов не выполнили бы. Так что ты вроде не только помог сделать все как надо, но и всех нас, оставшихся, спас. Планета Грелиосс со всеми ее обитателями, висбуками и отордами, мать их всех, осталась цела. Да, еще до кучи мы узнали, что целионы с Уравнителем вконец оборзели и эта инфа дорого стоит. И вообще, зло повержено, а добро восторжествовало. Посему ты, переспав со своей бывшей, можно сказать, совершил подвиг, тебе и орден вроде какой положен, – подытожил он, садясь перед пультом в кресло пилота.

– Ты собираешься поделиться своими умозаключениями с нашими девчонками? – живо поинтересовался я.

Андрей, хмыкнув, заржал.

– Я что, похож на больного? Эти выводы исключительно для внутреннего пользования. То бишь для нас с тобой. Стоит мне только заикнуться о том, что я тебе тут изложил, – тогда и меня, как твоего подельника, обвинят в убийстве Джона Кеннеди, а может, еще в чем и похуже. Ну что, командир, ключ на старт? – спросил он меня, хватаясь правой рукой за массивный т-образный рычаг управления звездолетом.

– Стартуй, – подтвердил я.

После чего Андрей с удовольствием потянул рычаг на себя. Палуба звездолета под ногами мелко, чуть слышно завибрировала. Мощный корабль как будто на секунду задумался, как ему лучше совершить прыжок в пространстве, после чего, собравшись в единый комок, рванул вперед, свертывая пространство. Все повторилось, как всегда при старте: через внешний экран окружающие звезды что есть мочи рванули к нам в рубку. Казалось, меня даже обдало обжигающим холодом бездушного черного космоса и я почувствовал его ледяное дыхание на своей коже, затем звезды как будто тормознули. Секундная пауза – и вот они уже с бешеной скоростью начали разбегаться от нас в разные стороны, крутясь по спирали. От увиденного меня опять замутило. Я прикрыл глаза. Никак не могу привыкнуть к этому зрелищу. Андрюха же, напротив, кайфовал. Он был в своей стихии, ему нравилось рулить, и неважно чем – это мог быть тяжелый грузовик, легковой кар, скайлет отордов или же многотонный космический корабль – ему по фигу.

– Хорош балдеть, – хлопнул я его по плечу. – Пора отбиваться.

Он с сожалением отпустил рычаг, встал из-за пульта, предварительно включив автопилот, еще раз проверяя, все ли в порядке, окинул взглядом внешний, во всю стену, экран с улетающими от нас во весь опор звездами, множественный ряд светящихся разными огоньками индикаторов и тумблеров на панели приборов. После чего, тяжело вздохнув, сказал:

– Ну, идем.

В стародавние времена у флибустьеров (или, как они сами себя любили величать, благородных джентльменов удачи), которые тогда «правили бал», контролируя почти весь грузопоток, следовавший по морям-океанам, существовал один непреложный обычай: если по какой-то причине команда пиратского корабля недовольна действиями своего капитана, то они предъявляли ему черную метку, после чего капитан просто обязан был выполнить требования команды. Если же он упирался рогом, пытаясь опереться на свой, как ему казалось, непререкаемый авторитет, или же у него по каким-то причинам не получалось сделать то, что от него хотели, то команда низлагала его. После чего с гиканьем и хохотом отправляла того с завязанными глазами прогуляться по рее, и тут уж как повезет: или он доходил до конца реи и бухался в море, тогда у него был ничтожный шанс выжить, или же парень делал неудачный шаг и, падая, разбивался о палубу в лепешку. Прискорбно, конечно, но сама команда переживала только за то, что надо тщательно вымыть палубу, смывая за борт потроха и мозги их бывшего лидера. Так зарождались основы и принципы демократии. Правда, справедливости ради надо заметить, что это были всего лишь ее ростки, а сама демократия так и не смогла вырасти и сформироваться, как ни старалась, во что-то серьезное и настоящее, а еще тогда, давно, скуксилась, засохла и безвременно почила... Но сама идея была очень неплоха.

Я бы, например, с удовольствием вручил черную метку не только ряду наших чиновников, но также многим нашим парламентариям и членам правительства, после чего с легким сердцем при помощи доброго дружеского пинка под упитанный зад отправил бы их на прогулку на свежем морском воздухе – на рею самой высокой грот-мачты.

По прилету мне самому было впору получать черную метку, потому что, как бы я ни хотел, но одно из первых находящихся в списке своих клятвенных обещаний, данных моему экипажу в ответ на целый свод требований, выдвинутых мне в самой ультимативной форме, исполнить так и не удалось. Хотя, видит бог, моей прямой вины в этом нет.

А обещал я вот что: по прилету мы ни за что не покидаем звездолет, пока наши кураторы не дадут добро на проведение новой акции на Грелиоссе и захват корабля целионов с их установкой. Случился прокол. Мы проснулись не в звездолете в своих индивидуальных капсулах, а в той самой белой комнате, паря в воздухе как стая уток, то и дело переглядываясь между собой и не понимая со сна, как здесь оказались. Тут очень к месту можно перефразировать всем известную поговорку: мы предполагаем, а кураторы, так сказать, располагают.

– Приветствуем вас на Земле, – раздался знакомый, спокойный и абсолютно безэмоциональный, как у робота, голос Геллы. – Мы, люди Земли, бесконечно благодарны вам за успешное выполнение столь ответственной и тяжелой, но очень важной миссии. Мы скорбим вместе с вами о гибели ваших друзей, это очень горестная потеря. Сейчас вас ждет семидневный карантин, после чего вы сможете покинуть стены этого помещения.

Алина, нахмутив брови, метнула в меня резкий и оточенный, как острие копья, взгляд.

– Олег, это что такое? Ты же обещал.

Я молча пожал плечами и беспомощно развел руками, мол, что я могу, мы уже здесь. После чего повел подбородком в сторону стены напротив, откуда раздавался беспристрастный голос Геллы.

– Туда вопросы, там ответы.

Алина резко вскочила на ноги, сжав кулаки, подбежала к стене.

– Мы не хотим быть здесь, на Земле. Отправьте нас немедленно обратно на Грелиосс, – в отчаянии закричала она, сверля глазами белую стену.

– Я не ослышалась и правильно вас поняла? – переспросила Гелла. – Вы хотите обратно?

В ее всегда выдержанном, спокойном, я бы даже сказал, пресном голосе отчетливо проступали нотки недоверия и недопонимания.

– Да, вы все правильно поняли, – еще раз зло гаркнула Алина, как будто хотела докричаться до глухого.

– Это ваше общее желание? – опять те же нотки сомнения в голосе. Не ослышалась ли она, часом?

– Да, – хором ответили все мы.

В ответ последовало гробовое молчание. Видимо, Гелла была ошарашена, такого от нас она точно не ожидала. А вы бы ожидали, если бы кто-то из ваших знакомых или друзей в двадцать первом веке со всей ответственностью заявил, что хочет, чтобы его по собственной воле во что бы то ни стало отправили этак на триста пятьдесят тысяч лет назад в прошлое, в компанию неандертальцев? Вы бы точно так же были в полном замешательстве и смотрели на вашего знакомого как на человека, у которого явно не все дома, и неважно, чем бы он аргументировал свое экстравагантное желание и какие доводы при этом приводил, пусть даже с пеной у рта доказывал вам с его точки зрения прописных истин: что в прошлом был прекрасный, не испорченный продуктами прогресса чистый воздух, свежайшее незамороженное наивкуснейшее мясо мамонта и прочих экзотических зверушек, приготовленных на открытом огне, – вкус незабываемый. Экологически чистые фрукты и овощи без всевозможных генно-модифицированных добавок, сейчас таких не найдешь ни в одном супермаркете, да и вообще столько всего, а сами неандертальцы – народ крайне гостеприимный и очень отзывчивый, со своим богатым внутренним миром. И не надо ехидно ухмыляться, да, возможно, они не сильно следят за личной гигиеной, не умеют читать и писать, ну и что, это не показатель, они по-своему очень даже культурны, просто так, без веских причин, никого по репе дубиной не шандарахнут. Несмотря на все эти железобетонные контрдоводы, как бы выстроенные в довольно четкую логическую цепь, вы бы все равно решили, что вашему знакомому пора «чинить крышу», поскольку она у него окончательно протекла. Наконец после довольно продолжительной паузы, затянувшейся донельзя, Гелла вследствие долгих и мучительных раздумий пришла к какому-то выводу.

– Я к вам сейчас подойду, – выдохнула она.

Я, конечно, не экстрасенс, но почему-то на все сто уверен, что Гелла все это время, не веря своим ушам, гадала, что с нами произошло. Они там что, на Грелиоссе перегрелись или переохладились? А может, вообще с местного дуба рухнули или подверглись воздействию какого-то странного неизученного агрессивно настроенного вируса, что сильно сказалось на их умственных способностях? В общем, заболели головой, бедолажки, а возможно также, что они редкие оригиналы или конченные извращенцы-мазохисты. Их там, на чужой планете, пытали, убивали, а они обратно просят. Короче, в этом во всем надо разобраться со всей дотошностью, поэтому ей, как ученому, просто необходимо самой воочию взглянуть на этих ненормальных, и лучше бы, конечно, под микроскопом, как на диковинных, доселе не изученных бактерий.

Буквально через несколько секунд она уже стояла перед нами. Высокая, статная, как будто высеченная из цельной породы гранита, в своем белом, облегающем как родная кожа комбинезоне, который не скрывал, а, наоборот, открывал взору, подчеркивая каждую извилинку и изгиб ее совершенного натренированного тела, и, что на Геллу было уж совсем не похоже, таранилась на нас с любопытством своими огромными серыми глазами.

Алина тут же решила взять быка за рога, сделала решительный шаг вперед, пытаясь подойти к ней как можно поближе, чтобы сразу, не теряя времени, обозначить нашу позицию, дабы больше не было никаких разнотолков, и Гелла сразу «всосала», так сказать, что от нее

хотят. Несколько раз объяснять ей, что да как, у Алины времени не было, ей самой надо немедленно отправляться на Грелиосс спасти любимого, но невидимая стена не дала ей возможности приблизиться вплотную к Гелле. Та подняла руку вверх.

– Напоминаю, друзья: вы пока на недельном карантине, поэтому все сношения с внешним миром, и в том числе со мной, могут иметь место только через заградительную карантинную стену. Вы меня услышали?

– Да, – хором ответили мы.

– Теперь я вас внимательно слушаю.

Алина быстро, очень сбивчиво и крайне непоследовательно, глотая отдельные слова и даже фразы, перепрыгивая с одного на другое, часто забегая вперед, начала объяснять, для чего нам нужно назад, на Грелиосс. Видимо, получалось у Алины это не очень – слишком сумбурно, Потому что Гелла смотрела на нее как-то странно, казалось, что Алина говорит на каком-то непонятном для нее диалекте да еще и с диким акцентом и она ее поэтому совсем не понимает. Подумав, что от переизбытка чувств Алина не может внятно и доходчиво все довести до нашего куратора, девчонки подскочили к ней на помощь. Теперь уже в три голоса начали втолковывать Гелле тот план, что я набросал ранее. Стоя перед ней сплоченной стеной, девушки доказывали всю необходимость захвата звездолета целионов, при этом они активно жестикулировали, видимо, считая, что так ей будет более понятно. Я только сейчас сообразил, что к Ане вернулось зрение. Пока мы спали в анабиозе, возвращаясь на Землю, индивидуальная капсула позаботилась о ее здоровье и подлечила Всадницу без головы.

– В общем, Гелла, вы должны вернуть нас на Грелиосс, а там мы все сделаем сами, – дружно, на уверенно-оптимистичной ноте закончили девчонки.

В ответ Гелла только отрицательно покачала головой.

– Нет, – бесстрастно, но твердо сказала она.

– Что значит нет? – опешили девушки. – Вы вообще слышали, о чем мы тут только что распинались и что конкретно предлагали?

– Я все слышала и повторяю – нет. Это невозможно.

– Как невозможно? Почему? – словно ужаленная пчелой, закричала Алина.

Гелла смотрела на всех нас с ноткой глубокой печали, как на маленьких несмышленных детей.

– Я очень хорошо понимаю ваше желание любой ценой спасти своих друзей, но, к сожалению, должна повторить вам еще раз – это невозможно, – произнесла она усталым ровным голосом.

– Но почему? Объясните, – отчаянно заголосила Алина. Она была прилично на взводе, и по ее теперешнему состоянию я никак не мог определить, чего от нее в данный момент можно ожидать. То ли она сейчас готова разрыдаться, то ли накинуться на Геллу с кулаками, доказывая таким образом необходимость нашей скорейшей отправки на Грелиосс. Гелла с жалостью посмотрела прямо в глаза Алины – так смотрит хирург на пациента, которому предстоит серьезная операция, но тон ее голоса был бесстрастен, а от этого казался даже жестким.

– Потому что все, что вы тут изложили и предложили, называется бредом сивой кобылы, кажется, так говорили в ваше время.

– А что не так-то? – раздраженно спросила Аня.

Гелла тяжело вздохнула.

– Вы вообще понимаете, кому вы собираетесь объявить войну?

– Почему сразу войну? – резко и опять с вызовом переспросила за всех Аня.

– А как иначе квалифицировать действия по реализации вашего так называемого плана? Это и есть война. Вы ведь, насколько я поняла, собираетесь силой осуществить захват звездолета целионов – высокоразвитой расы, которая стоит на невероятно высокой, недостижимой для вас ступеньке технического и интеллектуального прогресса. Цивилизации, эволюциони-

ровавшей до самой пиковой точки, до которой вообще могут прийти в своем развитии живые разумные существа. Естественно, у вас ничего не получится.

Аня попыталась что-то возразить. Гелла остановила ее взмахом руки.

– Я хочу, чтобы вы меня дослушали до конца, не перебивая, – сказала она жестко. – Мало того что это форменное самоубийство для вас, но вы, пытаясь претворить свой безумный план в жизнь, толкаете к краю пропасти все нынешнее человечество, ставя его на грань кровавой бойни между двумя, пусть и противоположными в своем выборе и идущими разными путями, цивилизациями. Поскольку мы всецело отвечаем за вас, целионы воспримут ваши действия не просто как ничем не спровоцированный акт агрессии своенравных и самонадеянных исполнителей, выдернутых из прошлого при полном молчаливом попустительстве с нашей стороны, а, скорее всего, они решат, что именно мы науськивали и натравливали вас, заставляя развязать войну, и тогда начнут защищаться всеми доступными имеющимися у них в арсенале средствами. В конечном итоге получается, что решив любым способом спасти своих товарищей, вы столкнете лбами две самые могущественные и техногенные цивилизации во Вселенной, начнется полномасштабный военный конфликт. И тогда это будет уже не остановить. Я, честное слово, не знаю, кто победит в этом побоище и будут ли победители вообще.

Все это она говорила четко, медленно, почти по слогам, очень внятно проговаривая каждое слово – так говорят с маленькими глупышами, пытаясь им разъяснить прописные истины, типа того, что надо писать в горшок, а не мимо.

– Надеюсь, я смогла вам все объяснить и вы меня услышали. Посему то, о чем вы просите, не-воз-мож-но, и дискуссий на эту тему больше не будет, – отрезала она, подытожив разговор.

Наступила томительная тишина.

– Да-а-а-а, полный пипец, – резюмировал Андрюха. – Я примерно себе все так и представлял.

Девчонки разом обернулись ко мне, видимо, ища в моем лице хоть какую-то поддержку. Сказать, что они выглядели подавленно, – это ничего не сказать.

– И что теперь? – спросила Алина меня трясущимися губами, готовая вот-вот разрыдаться от полной беспомощности.

– Олег, это что за фигня? – взорвалась Жанна. – Ты говорил, что все будет по-другому.

– Что ты молчишь как истукан? – поддержала ее Аня. – Это же был твой охренительный план. Ответь, нам что теперь делать?

Я молчал, как в рот воды набрал, и не потому, что не хотел отвечать на поставленный ребром, почти по Чернышевскому, вопрос девчонок, и не потому, что не представлял, что теперь делать дальше, и даже совсем не потому, что не знал, какие контраргументы противопоставить Гелле.

Просто я сейчас сосредоточенно прорабатывал тактику и стратегию своего дальнейшего поведения в разговоре с нашим куратором, как правильно донести до ее сознания смысл, саму суть, убедить в своей правоте и в конечном итоге склонить на свою сторону, сделать нашим единомышленником. Поэтому, пропуская через себя все то, что она сказала ранее, я искал в ее доводах слабые стороны, и я их уже видел, зная, на что сделать упор, где надавить, мне осталось совсем чуть-чуть, и мои мысли будут приведены в полный порядок и рассортированы по полочкам.

Я, как тот полководец перед решающей битвой, проводил рекогносцировку своих войск: хорошо ли они организованы, маневренны, готовы ли атаковать и, если придется, обороняться, прикрыты ли тылы, ну и прочее по списку. Вот поэтому я никак не реагировал ни на один вопрос, заданный мне разъяренными девушками. Я ни хрена не Гай Юлий Цезарь, это ему, по слухам, составленным якобы со слов его современников, удавалось делать по несколько дел одновременно. Есть, пить, трахаться, решать важные государственные дела, а по ходу еще и

смертный приговор кому-то из вороватых патрициев подмахнуть. Я обычный пацан, все сразу не могу, так что извиняйте, девчата.

– Олег, сколько можно молчать? Тебе все равно не удастся увильнуть от ответа. Ты командир или чучело огородное? Ну, ты выдавишь из себя хоть что-то? Ты вообще что-нибудь можешь сказать? Ты же слово мужика давал, клялся – все будет именно так, как ты нам обещал, или твое слово ничего не значит, так, пустой звук? – продолжали наперебой тиранить меня девчонки.

Ага, надо же, наконец вспомнили красавицы, что я командир и, оказывается, мужчина. Хотя до этого с легкой руки наших красотулечек был наречен импотентом, и не простым, а бездушным. Вот интересно, импотент тоже считается мужчиной или все-таки нет? Потому как кое-чего из мужского начала, являющегося, с точки зрения каждого уважающего себя альфа-самца, чуть ли не самым главным достоинством и основополагающим фактором, отличающим настоящего мужика от других особей, стоящих, опять же по их личному мнению, гораздо ниже в пищевой цепочке, у импотента не функционирует как должно. Это самое у него находится, ну, как бы это помягче обозначить, в постоянном бессильно висячем состоянии – на полшестого... Ну, короче, не работает, и они, альфа-самцы, а также альфа-самки из-за такой мелочи не считают его мужчиной в полном смысле этого слова. И тогда получается: если ты импотент, то, наверное, и слово уже мужское можно не держать – это вроде как во время произносимого тобой клятвенного обета скрещенные пальцы за спиной прятать. Вот как тут быть? Кто даст конкретный ответ на этот очень непростой и крайне животрепещущий вопрос? Возможно, если бы кто-то случайно в данный момент подслушал мои мысли, то с удивлением обратил бы свое внимание на то, почему я так болезненно воспринял именно это оскорбление со стороны девочек. Мусоля его и перебирая как четки, то в одну, то в другую сторону, ведь в меня было брошено еще как минимум с десятка достаточно преобиднейших эпитетов, обозначающих... нет, даже про себя не хочу озвучивать и прояснять, что они обозначают.

Почему я заикнулся именно на обвинении в бездушной импотенции? Да потому, черт побери, что меня конкретно задело, мое мужское эго получило незаслуженную пощечину, и я категорически не согласен. Ну, ладно, это так, отступление. Мысли не вслух, а про себя. Теперь мой выход.

– Вот что, мальчики и девочки, – громко, чтобы все меня услышали, строгим командным голосом сказал я, – а не пойти ли вам отсюда куда подальше?

– Это еще зачем? – возмущенно зароптали девушки.

– Затем, славные мои подчиненные, что мне надобно с Геллой Батьковной с глазу на глаз потолковать. Так вот, ноги в руки – и друженько пошли отсюда.

– Куда?

– В сад, все в сад, милые мои. Ну или на крайняк – по своим комнатам. Тебя, Андрюха, это тоже касается. Извини, брат.

– Мы никуда отсюда не уйдем, – заупрямились девчонки. – С места не сдвинемся, пока все конкретно не определится. И вообще, что нас ждет дальше? Как мы сможем помочь нашим?

Это их заявление сильно попахивало ультиматумом.

– Пожалуйста, мои хорошие, вот только не надо делать мне нервы. Очень вас прошу, если я сказал «Пошли», значит, пошли. Можно даже в колонну по двое встать, так удобнее и быстрее. Давайте, милые, времени спорить у нас совсем нет.

Девчонки в замешательстве переминались с ноги на ногу и не знали, что им предпринять: то ли препираться дальше, то ли послушаться меня, переложив тем самым все бремя ответственности за дальнейшие переговоры с Геллой исключительно на мои плечи, и покинуть белую комнату.

– Андрюш, будь добр, помоги девочкам найти выход из этого помещения, – обратился я к Андрею. Тот согласно кивнул и, разведя широко руки в разные стороны, пошел к девочкам.

– Идем, девчонки, – говорил он. – Олег здесь справится без нас. Все будет «хоккей», вот увидите.

Сам он в это время ненароком подталкивал их к выходу, так пастух загоняет упрямых козочек в стойло. А у него неплохо получается. Молодец.

– Я сейчас вас догоню, – вырвалась одна из коз из цепких рук пастуха Андрея. – Мне буквально пару слов надо сказать, – бросила она остальным и направилась напрямик в мою сторону четким шагом, конечно, это была Аня. Походняк уверенный, глаза горят недобрым огнем. Подойдя вплотную ко мне, уставилась своими карими глазами, не мигая, как гюрза на мышшь.

– Я так поняла, убеждать собираешься? – кивнула она в сторону Геллы.

– Ты удивительно прозорлива, радость моя.

– Учти, Олежек, – она больно ткнула меня в грудь ногтем своего длинного пальца, – ради твоего же блага убеди. Если облажаешься, я тебе такое устрою, век меня помнить будешь.

– Я так понимаю, речь идет не о чудесах в постели.

– Чудеса будут, а вот про постель с престарелыми потаскухами, без которых ты не представляешь своего существования, сможешь забыть – тебе ни то, ни другое больше никогда не понадобится, потому что, если ты уж и сейчас накосячишь, я тебе яйца оторву вместе с корнем.

Опять неприкрытая угроза... Да что такое?! Почему мой организм, все так или иначе хотят лишить репродуктивной функции? В связи с этим недвусмысленным предупреждением я не стал гнуть пальцы и рвать на себе рубаху, пытаюсь доказать, что никакой я не извращенец-геронтофил, а Светка, моя бывшая, совсем не престарелая, а женщина в самом соку, в свои сорок с хвостиком выглядит просто потрясающе и безумно сексуально.

– Хотя... – Аня зло прищурила глаза, видимо, прочитав в моих скрытый протест, – надо было это сделать раньше. Сволочь ты такая, кобель паршивый. Ну, ничего, никогда не поздно исправить эту досадную ошибочку. Да, и еще, Олежек.

– Что, солнце мое?

– Лицо попроще сделай и помни, пожалуйста, дорогуша, о том, что я тебе сейчас пообещала. В случае твоей очередной неудачи я это сделаю с тобой обязательно, – проворковала она елевым голосом, нехорошо при этом улыбаясь.

После чего резко повернулась ко мне спиной и направилась к выходу, густющий хвост каштановых волос качался из стороны в сторону в такт ее шагам, развеваясь как стяг драгунского полка – красивая, гордая, независимая.

– Я тоже тебя люблю, рыбка моя, – прокричал я ей вслед.

Она, не оборачиваясь, подняла правую руку, сжатую в кулак, с оттопыренным вверх средним пальцем.

Интересно, это она мне что, свой безукоризненный маникюр показывала? Тогда почему только на отдельно взятой руке и только на одном среднем пальце? Или все-таки у этого жеста был какой-то иной тайный смысл? Непонятно.

После того как силуэт Ани вместе с остальными растворился за стеной, я обернулся к Гелле.

– Кажется, вы, Олег, не очень популярны у части своего экипажа, – произнесла она.

Казалось, это замечание, слетевшее с ее губ, было произнесено, как всегда, бесстрастно, без каких-либо даже намеков на оттенки или полутона, сколько-нибудь мало-мальских проявлений эмоций с ее стороны, но я уже научился улавливать и распознавать все нюансы ее натуры. По небольшому, слегка заметному дрожанию в уголках губ, по тем далеко спрятанным в глубине огромных серых глаз пляшущим смешливым огонькам я понял, что она улыбается.

– Если вы хотите попробовать убедить меня в необходимости захвата звездолета целионов, то не стоит. Я уже высказалась по данному вопросу и не вижу смысла продолжать диску-

тировать на эту тему. Так что, боюсь, Олег, Ане придется применить свои угрозы в действие, – продолжила Гелла.

– Она может, – согласился я.

И действительно, зная упертый своенравный характер и безудержно бешенный взрывной темперамент Всадницы без головы, можно предположить, что она вполне сможет совершить попытку претворить в жизнь то, что вдруг ни с того ни с сего втемяшится в ее хорошенькую головку, даже если это будет законченная глупость, типа сляпать из меня по-быстрому евнуха путем жестокой безнаркозной кастрации без каких-либо сопутствующих инструментов, вручную... Это больно.

– И все-таки, Гелла, я хотел бы украсть немного вашего драгоценного времени и рассказать более детально о том, как прошла наша миссия на Грелиоссе. Выслушайте меня, пожалуйста. Мне кажется, это архиважно.

– Да, Олег, конечно, я вас слушаю, – она уселась передо мной прямо в воздухе, закинув свои бесконечно длинные крепкие ноги одна на другую. – Я вся во внимании, – она сфокусировала на мне слегка усталые серые глаза, в бездонности которых отражалась сама вечность.

В ногах правды нет, поэтому я последовал ее примеру и также откинулся в невидимое глазу воздушное кресло. Надо же, чертовски удобно. Кто бы мог подумать? Здорово они, конечно, тут, в будущем, придумали: натоптался, устал, захотел примостить пятую точку – не надо искать, где присесть, или таскать с собой повсюду раскладной стульчик, стоит только подумать о том, что хочешь сесть, и смело бухаешься назад на задницу, а тебя там уже какая-то хрень подхватывает, заботливо обволакивая, расслабляет каждую мышцу, можно еще и массаж заказать.

– Так что вы хотели мне поведать? – напомнила о себе Гелла.

И я тут же не спеша, вдумчиво, детально и поэтапно рассказал ей все наши приключения. Ну, почти все. Кое-что я оставил на потом, на закуску, так сказать, так опытный игрок оставляет, пряча в своем рукаве, козырной туз.

Гелла слушала чрезвычайно внимательно и за время моего повествования ни разу не перебила. Когда я закончил, она тяжело вздохнула.

– Я вас очень хорошо понимаю, Олег, терять родных и близких тебе людей невероятно тяжело. Но вы также должны понять и нас, – тут она начала тщательно подбирать слова, видимо, как бы ненароком не задеть мои чувства и постараться не оскорбить. – У нас с целионами своего рода действующий договор. Я бы обозначала его как некий пакт о ненападении. Да, конечно, ваших ребят и ребят из других наших групп убили. И сделали это исполнители целионов, но существует некая красная линия, за которую ни они, ни мы заходить ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не имеем права.

– Вы об убийствах членов вашего или их сообщества, к которым мы, так называемые исполнители, никаким боком не относимся? Я правильно вас понял? – спросил я.

– Да, правильно, Олег. Только не обижайтесь, ради бога.

– Я не обижаюсь.

– Я на это очень надеюсь, Олег.

«Это как бойцовые собаки с остервенением вгрызаются в глотку друг другу ради личных интересов своих хозяев», – подумал я, проведя своеобразную аналогию, вспоминая последний бой со Светкиными подчиненными.

– Для них и для нас худой мир лучше войны, – продолжила она. – Вот почему, Олег, мы не можем позволить вам сделать то, о чем вы так горячо просите. Потому как это будет расценено целионами так, будто мы все-таки преступили красную черту, разорвав тем самым договор, существующий уже несколько столетий. Вы меня понимаете?

– Без сомнения, – бодро ответил я. – Скажите, Гелла, а кем для вас был тот погибший на Грелиоссе космонавт, останки звездолета которого мы должны были уничтожить?

Задавая вопрос, я внимательно следил за ее реакцией. Как будто ничего в ее лице не изменилось. У Геллы великолепное самообладание, но я был крайне сосредоточен, вглядываясь в нее, поэтому от меня не укрылось то, как буквально на какую-то микродолю секунды тень печали как погребальным саваном покрыла ее чело, а в глазах промелькнула смертная тоска. Значит, я был прав. Но она тут же, моментально справилась с собой и абсолютно бездушным, отрешенным голосом ответила:

– Это неважно.

– И все-таки я настаиваю. Ответьте.

Я повторяю: это не имеет никакого отношения к нашему разговору.

– Вот тут вы не правы, Гелла. Имеет, и, уверяю вас, самое непосредственное.

Она очень холодно взглянула на меня.

– О чем это вы, Олег?

– О том, что пока одни любой ценой, наступая себе на горло, даже во вред не только своим интересам, но и интересам всего того, что отождествляет во Вселенной слово «добро», несмотря на то что им постоянно плюют в лицо, пытаются не замечать этого и держаться в рамках договора, в это же самое время другие находят любые лазейки, дабы этот договор нарушать. Пока еще по чуть-чуть, тайно, но шагком за шагком продвигаясь в нужном им направлении, сея по всей Вселенной семена зла, и в очень скором времени, когда посеянные семена взрастут, все будет более чем явно. Уверяю вас. Но тогда, боюсь, будет очень поздно.

– Я не совсем вас понимаю, Олег.

– А чего тут понимать? Целионы нарушили паритет и перешли границу, это они сбили ваш звездолет над Грелиоссом и убили вашего космонавта, – выпалил я.

Гелла отпрянула назад, как от удара.

– Как? Этого не может быть. Вы понимаете, о чем вы говорите?

– Прекрасно понимаю и отдаю отчет в своих словах.

– У вас есть доказательства?

– У меня нет на руках прямых доказательств того, что они сбили звездолет, но того, что именно они причастны к гибели вашего парня, – есть.

Я увидел, как напряглась Гелла, чуть подавшись ко мне, она вся превратилась в слух, боясь пропустить хоть слово.

– Продолжайте.

– Итак, Гелла, я вам только что рассказывал про то помещение, в котором находились личные вещи погибшего космонавта и которые мы должны были во что бы то ни стало уничтожить, дабы висбуки во вред себе и своей планете пусть даже поверхностно, но не смогли разобраться в доставшихся по случаю гаджетах и найти им хоть какое-то применение, как та обезьяна с гранатой.

Она лишь молча чуть заметно кивнула.

– Так вот... в этом помещении были не только личные вещи, но и тело вашего космонавта. Он лежал рядом со своей индивидуальной капсулой. Она была аккуратненько открыта, а он застрелен в упор – прямо в сердце. Капсула, как вы, наверное, уже догадались, была открыта не ее хозяином изнутри, а кем-то с внешней стороны. Гелла, вы ведь прекрасно понимаете, что полуграмотные, с вашей точки зрения, висбуки при всем желании открыть запечатанную индивидуальную капсулу никак не смогли бы. Для них это просто неподъемная задача при любом раскладе, будь они даже семи пядей во лбу, а значит, это сделал тот, кто мог. Кто поумнее и потехнологичнее на несколько порядков. А теперь вопрос «в студию»: подскажите-ка мне, пожалуйста, кто бы это мог быть? Бинго. Хотя вы и не ответили на мой скорее риторический, вопрос, но по глазам вижу, что ваши мысли текут в верном направлении. Все правильно – это целионы. Потому как, насколько мне известно, других настолько высокотехнологичных

цивилизаций, которые могут посостязаться с вами во Вселенной, кроме целионской, больше нет. Поправьте меня, если я не прав.

Гелла молчала.

– Я все произошедшее вижу так, – продолжил я. – Ваш звездолет целионами был подбит не случайно, а умышленно, специально для того, чтобы он попал в руки невежественных висбуков. Я так понимаю, что для вашего космонавта сам факт того, что его могли атаковать, тоже был чем-то экстраординарным, диким, невозможным. Допускаю, он решил: произошла какая-то чудовищная ошибка, поэтому и ничего не передал на землю, кроме сигнала, SOS, возможно, решил разобраться во всем сам. Осознав, что его звездолет стал неуправляем и терпит бедствие, он успел экстренно закрыться в индивидуальную капсулу и наверняка спасся бы, но свидетели целионам были не нужны, поэтому они, захватив капсулу, открыли ее, а самого пилота застрелили. И они же, чтобы вы ничего не заподозрили, обтяпали это дело как случайную катастрофу. Теперь поясню, для чего это было сделано. Целионы, как известно, верные приверженцы Великого Уравнителя. А у того уже давно не детские амбиции – желает сравняться во всем с Создателем, а еще лучше – в конечном итоге подвинуть его и изменить все устои и каноны. Сейчас ему понадобился, уж не знаю для чего, вы же сами в курсе, что пути Уравнителя неисповедимы, для каких-то своих целей этот кусочек галактики, где проживают висбуки. Для этого и была разработана далеко идущая комбинация. У висбуков в руках оказывается страшное оружие, они, естественно, ни сном ни духом, что это такое и с чем его едят, но попытаются поднатужиться и разобраться, что это за хреновина им досталась, свалившись с неба, по глупости нахулиганят, и тут два пути, причем оба Уравнителя очень устраивают: либо висбуки сами себя погубят и потянут за собой на тот свет других обитателей Грелиосса, или же, зная крутой нрав Создателя, он, увидев, что творят эти безумцы, сотрет неудавшийся с его точки зрения проект со своего полотна, то есть разрушит мир висбуков до основания, устроив всемирный потоп или там еще какой армагеддец. В общем, это уже неважно, все будет сделано его руками, а Уравнитель как бы и ни при делах, а своей цели добился. Откуда я это знаю? Все это мне стало известно из приватной беседы с командиром исполнителей, подчиняющимся целионам и являющимся их доверенным лицом, я бы назвал ее консьержи. Кстати, о птичках, вы не поверите, это моя старая знакомая, тоже из прошлого, с Земли, как и вся ее бригада, и это тоже является еще одним хоть и косвенным, но подтверждением того, что целионы не придерживаются оговоренных правил, поскольку вломились на вашу территорию. В общем, все у них было бы шито-крыто, вы, оставаясь в неведении, думали, что с вашим парнем случилась какая-то авария, посылали бы на Грелиосс группу за группой из таких, как мы, исполнителей, а их исполнители, в свою очередь, благополучно уничтожали бы эти команды, пока или Создателю вся эта канитель окончательно не надоела бы, или висбуки додумались бы, как вытащить чеку из гранаты, итог все равно один – бабах – и нет Грелиосса, «писец котенку». Во всяком случае, все было бы именно так, но тут вмешался его величество случай в лице нашей команды. Мы не только выполнили поставленную задачу – раскопали и разузнали всю эту неприглядку, но еще и часть нашей группы не погибла, а вернулась на Землю, отказавшись сдохнуть там, на Грелиоссе, и этим спутала ребятишкам все карты. Вот браслет, – я содрал его с руки. – Он постоянно был со мной, все записывал и протоколировал, ничего не пропускал. Забирайте, изучайте, делайте выводы, – я бросил его в сторону Геллы, стена плавно всосала браслет, и он оказался в руках Геллы.

Конечно, в этом браслете была не только полезная информация для наших кураторов, но и всякое такое, о чем мне совсем не хотелось бы распространяться и выставлять на всеобщее обозрение и обсуждение, как, например, постельные сцены со мной и Светкой, а также со мной и Аней. Все-таки это совсем личное, но что поделаешь, приходится чем-то жертвовать. Я думаю, мой интимчик не сильно подпортит морально-этический дух людей из будущего и не убьет веру в прекрасное. Хотя... Во всех случаях мы с моими партнерами резвились по-

взрослому, от всей души, безудержно, без запретов и тормозов. Вряд ли наши кураторы при просмотре этого материальчика откроют для себя что-то новенькое или совсем уж непотребное. В конце концов, люди всегда и во все времена, правда, каждые по-разному, но делали это. Мы сексуальные твари, что тут поделаешь, иначе на матушке-земле давно наступил бы конец нашей популяции. Как в свое время изрек старина Фрейд: «Единственное извращение – это отсутствие секса, все остальное – дело выбора каждого». Хорошо, конечно, что при передаче браслета не присутствовала Всадница без головы, а то точно не только оторвала бы напрочь мне мое хозяйство, но еще и голову в придачу отделила бы от туловища. И ссылка на Фрейда в этом случае не помогла бы.

Гелла сидела как громом пораженная. Лишь в замешательстве как-то чересчур аккуратно, с опаской крутила в руках мой браслет, так, будто это был не аксессуар, а гремучая змея. Ее потерянный взгляд все время бегал от меня к браслету и обратно.

Я ее прекрасно понимал.

Живешь себе в светлом будущем, являешься венцом творения, вся такая «трата-тушки-тралала», на глазах розовые очки, поэтому мир вокруг также воспринимается в розовых тонах, и вдруг перед тобой появляется человекообразная обезьяна из глубины прошедших веков и на пальцах быстренько объясняет, что не все так сладенько, как ты себе это представляешь, а тебя, такую умную и продвинутую, конкретно наебали и развели как конченную лохушку, и получается, что малообразованная человекообразная обезьяна в курсе, а ты, законченный венец творения, ни сном ни духом. Мне бы тоже от осознания этого было бы как-то не по себе.

Я решил не тянуть кота за причинное место, а быстренько развивать успех и уже окончательно добить нашего куратора – продолжил наступление со всей горячностью, на которую только был способен.

– Поэтому, Гелла, предлагаю, – начал я твердо чеканить фразы, как, наверное, это делал маршал Жуков на военном совете в Кремле у Иосифа Виссарионыча в кабинете, отстаивая свой взгляд на военную доктрину, – дополнить нашу команду еще двумя умненькими ребятами из резерва и отправить нас обратно на Грелиосс для захвата звездолета целионов. Тогда мы сможем вытащить из вечности не только наших погибших ребят, но и вернуть вашему сообществу убитого целионами космонавта, а он, в свою очередь, уже расскажет все как было и что с ним произошло. Да, согласен, есть риск, и это чревато возможностью разгорания серьезного военного межгалактического конфликта между вами и целионами, но уверяю вас, если ничего не предпринимать, а как страус зарыть голову в песок, мол, ничего не слышу и ничего не вижу, поэтому ничего плохого со мной не случится, здесь не прокатит, рано или поздно громыхнет, только зло к этому времени хорошо подготовится, соберется с силами и влепит вам такой сокрушительный апперкот, от которого вы уже не оправитесь никогда. Оно отправит вас в вечный нокаут. А так мы первыми, пока они не ждут, нанесем, так сказать, превентивный, упреждающий удар и в случае удачного исхода нашей операции сумеем избежать эскалации полномасштабного военного конфликта. Потому что у вас на руках будет весь прикуп: и звездолет целионов с этой их приبلудой – уменьшенной копией вашей машины времени, и показания пилота, и даже их доверенное лицо – командир исполнителей, она тоже кое-какой инфой владеет. Дальше вы сами знаете, что с этим всем добром делать и как все преподнести Создателю. Только подумайте, Гелла, – продолжал убеждать я, – мы сообще наконец сможем сделать то, о чем мечтали все живые существа с сотворения мира, – загнать Уравнителя и его слуг туда, в то место, которое изначально определил для них Создатель. Дело, конечно, ваше. Либо вы боретесь, бьетесь за все то, что является основополагающим не только для вас, но и для многих других разумных существ во Вселенной, либо сдаете участок за участком, позицию за позицией, пока не окажетесь в загоне для «опущенных», потому как зло никогда не остановится. С ним невозможно ни о чем договориться, оно никогда не будет играть по установленным правилам, потому как у него свои правила игры. Итак. Решать вам, но знайте: что

касается нас, мы готовы идти до конца, нам нечего терять, – закончил я на последнем дыхании так, словно захлопнул крышку люка в башне танка, готовясь идти на таран.

Гелла еще некоторое время сидела молча. Потом резко встала, я тоже подскочил с места.

– Я поняла вас, Олег, и поняла, что вы хотели мне сказать, – вымолвила она опять абсолютно бесстрастным голосом. Лицо тоже стало непроницаемым, каменным, по нему никак невозможно прочесть, к какому выводу в конечном итоге она пришла и смог ли я ее своей зажигательной речью хоть чуть-чуть в чем-то убедить.

Гелла снова обрела свое постоянное состояние – превратилась в каменную деву, истукана, сногшибательно красивую, но лишённую каких-либо эмоций. Куда все делось, что эмоции закончились? Это вообще что, порционное блюдо? Ведь только что передо мной сидел человек из плоти и крови, способный чувствовать и сопереживать, и вдруг – бац – как будто кто-то тумблер переключил, и вот она уже «снежная королева» – обжигающе холодная как лед, далекая и совершенно непонятная.

– От себя лично обещаю вам, Олег, что всенепременно изложу суть вашего доклада, все ваши доводы и наблюдения, – она помахала моим браслетом, – нашему координационному совету.

«Ну, вот это уже кое-что», – подумал я.

– А пока отдыхайте. До свидания.

– До свидания, Гелла.

Она повернулась и пошла прочь. Сделав два шага от стены, почему-то передумала и повернулась ко мне.

– Да, Олег, тот космонавт, погибший на Грелиоссе, его звали Алан, и... – тут наступила пауза, видимо, она размышляла о том, говорить мне что-то дальше или нет.

– И... – подхватил я, как бы слегка подталкивая ее.

– Он был моим сыном.

У нее на глазах выступили слезы. Вот тебе и каменная дева. Она ушла. А я стоял и думал. Каково сейчас ей? С одной стороны, вот оно, решение. Гелла, как я понял, занимает высокое положение и имеет сильное влияние в своем обществе, поэтому запросто может сделать все от себя зависящее, чтобы склонить координационный совет на нашу сторону. После чего мы получаем добро на проведение акции на Грелиоссе и возвращаем ей уже давно оплаканного самого родного для нее человека – ее сына. Это для нее реальный шанс. Так бы обязательно сделали высокопоставленные чиновники в наше время, и неважно, сколько бы народу при этом полегло и сколько судеб было бы разбито, но они бы сто пудов приняли волевое решение и вытащили бы свое дитя вопреки всему. И, наверное, я не имею права судить их за это. Я никогда не был отцом, не случилось в прошлой жизни, не довелось. Все время мечтал о том, что Светка подарит радость отцовства, но у нее была только одна отговорка: «Зачем нищету плодить?» А я очень хотел. Мне кажется, это здорово, ни с чем не сравнимо, когда ты берешь на руки маленького человечка, плоть от плоти себя, чувствуешь, как он доверчиво прижимается к тебе, его теплое чистое дыхание согревает твою душу. Ты безумно рад от того, что слышишь каждое утро, как он просыпается, и каждый вечер, укладывая его в кроватку, – как он, счастливо улыбаясь, засыпает под твоей защитой, как он задорно смеется, как растет, а ты вместе с ним заново познаешь мир. Быть ему во всем надеждой и опорой. Думаю, я бы порвал себе жилы, но сделал бы так, чтобы моего ребенка обязательно спасли. Но здесь совсем другое общество, совсем другие люди, и они воспитаны так, чтобы всегда ставить общественное выше своего, личного. Расхожее выражение «Своя шкура ближе к телу» – это не про них.

Приходя к какому-нибудь решению или вынося какой-то вердикт, им нужно все тщательно взвесить, быть полностью беспристрастным, знать, не навредишь ли ты своими действиями остальному сообществу в целом и каждому в отдельности. Думать прежде всего обо всех,

а не только о своем – таковы догмы и каноны людей из будущего, ну, наверное, и слава Богу, что так. Только вот не знаю, согласится ли остальной их мир с моими доводами.

В комнату ворвался мой экипаж, им уже невмоготу было ждать. У всех в глазах один и тот же вопрос.

– Ну, что скажешь? – спросила за всех Аня.

Я еще не отошел мысленно. Прорабатывая наш с Геллой разговор, находился, так сказать, на своей волне, в глубокой задумчивости. Поэтому машинально, не вникая в суть, произнес любимую фразу моего приятеля Сашки, когда ему задавали такой вопрос: «Что скажешь?»

– Что скажешь, свой достать или ты покажешь?

Правда, Сашка за это никогда не получал по фейсу, ну, во всяком случае, о таком исходе никогда не слышал, а вот мне тут же, не отходя от кассы, прилетело. Звонкая увесистая оплеуха моментально привела меня в чувство. Щека зарделась и запыхала как обожженная. Ручка у девушки Ани тяжелая.

– Ты что, вконец очумела? – поинтересовался я, потирая ушибленную щеку.

– Это ты со своими сильно подержанными шлюхами будешь упражняться в словесности, а с порядочными девушками будь добр разговаривать так, как того требуют правила приличия, – назидательно сказала она и подула на свою слегка припухшую ладонь, видно было – приложила от души, не жалея.

– Кстати, давно хотела это сделать, – подленько, но с чувством глубокого удовлетворения, ухмыляясь, обронила блюстительница свода правил приличий и воительница за нравственность в придачу Аня.

– Очень рад, Анечка, что доставил тебе, как порядочной девушке, такое незабываемое удовольствие, – расшаркался я в вежливом поклоне.

Андрюха закатил глаза к небу и сочувственно развел руками. Я воспринял это как акт сострадания. Больше меня никто не пожалел.

– Может, хватит уже?! – прокричала Алина. – Что конкретно сказала Гелла?

Девчонка была на грани истерики. Поэтому я подошел к ней, ласково обнял за плечи и начал говорить доверительно тихим вкрадчивым голосом, как с больным ребенком:

– Все в порядке, Алин. Гелла на нашей стороне, но нужно некоторое время, чтобы скоординировать дальнейшие действия.

– Сколько ждать? – она глядела на меня с надеждой.

Думаю, недолго. Она не одна решает. Ты же сама понимаешь, вопрос очень серьезный, но все будет тип-топ. Обещаю. Она мне сама намекнула.

Я выдавал желаемое за действительное не потому, что боялся Аниных угроз, хотя их тоже не стоило сбрасывать со счетов, но дело все-таки не в этом. Мне очень хотелось хоть немножко успокоить Алину, не находящую себе места и съедающую себя изнутри. Ради этого я слегка привирал. Ну, хорошо... откровенно врал, но я правда искренне верил в то, что говорил сейчас Алине. Почему-то после беседы с Геллой мне казалось, что кураторы все-таки согласятся с нашими доводами и пойдут на эту аферу. Про себя я мог смело называть вещи своими именами. «Ну а если нет, если не пойдут?» – с тревогой поинтересовался внутренний голос.

«Ну, ничего, живут же люди и кастратами, – быстро успокоил я его. – У некоторых даже художественные наклонности проявляются, поют, например, хорошо, душевно и жалостливо в церковном хоре. Сопрано или контральто очень нынче ценится, или вообще соло-вокалом можно со сцены попискивать, глядишь, и всемирную известность приобрету, гастролы, туры там всякие, интервью, слава, деньги, девочки, машины. Ах да, девочек можно исключить из списка. По понятным причинам они мне будут не нужны.

Через день появилась Гелла и сказала, что координационный совет в принципе одобрил проведение акции, но от меня требуется четкий поэтапный план – как, что и куда и.

Легко сказать. Если бы я сам представлял, как и что... Но сам тут же сделал умное лицо, взял под козырек.

– В ближайшее время план будет лежать у вас на столе, – отрапортовал я. – И все.

Чтобы Гелла не задавала мне лишних вопросов, подкрепил свои слова решительным жестом – рубанул в воздухе ладонью сверху вниз, уверенно так, как будто рассекал кухонным топориком батон белого хлеба.

После этого моего заявления Гелла долго и придирчиво смотрела на меня умными серыми глазами. Затем печально покачала головой.

– Вы ведь даже не представляете, на что идете и на кого вы замахнулись... Давайте я вам кое-что расскажу о целионах. Присаживайтесь, Олег, разговор будет долгим.

После того что мне рассказала Гелла, я и сам подумал, что крепко погорячился насчет захвата их звездолета – это будет ой как не просто. Оказывается, выследить Светку, отбить у личной вооруженной до зубов многочисленной охраны, после чего спеленать и заставить, помимо ее воли, провести нашу гоп-компанию на звездолет ее хозяев (а она будет упираться, здесь и к бабке не ходи) – это полбеды. Скажем, это один из самых реалистичных и выполнимых векторов моего плана, дальше начинаются простые сложности. Во-первых, на звездолет инопланетной высокоразвитой цивилизации так легко не попасть, это нифига не автобус и не маршрутное такси – взмахнул рукой, транспорт остановился по требованию, дверь распахнулась, ты плюхнулся на сиденьице и поехал, «Вези меня, извозчик, по пыльной мостовой...» Хрена с два. Он прекрасно защищен со всех сторон, и чтобы взгромоздиться вовнутрь его, нужно по меньшей мере иметь коды доступа. Допустим, у Светки, как у особо приближенной, есть эти коды доступа на звездолет. Скорей всего, что да, но тут опять маленькая загвоздка – звездолет, который нам нужен, имеет экипаж, состоящий из целионов. Экипаж, правда, небольшой, их двое, и это как бы хорошо, что их немного. Но опять, как прыщ на заднице, вылезает следующее «но». Предположим, мы всеми доступными и недоступными способами убеждаем-таки Светку и она провозит нас на межгалактический инопланетный корабль (хорошо звучит, красиво). Но тут же целионы, находящиеся на нем, вежливо, а может, и не совсем, интересуются: «А какого, так сказать, рожна, милостивые государи, вы прибыли на наш звездолет? Да и еще такой шоблой. Мы никого в гости не ждали. Да и экскурсий не проводим, это вам тут не Эрмитаж».

Мы начинаем что-то лепетать, типа: «Мол, дружба, фройндшафт. Исполнители целионов и исполнители землян теперь братья навек, поэтому мы все такие прониклись и решили, так сказать, идти к вам массово в услужение, а на звездолетик ваш прибыли не корысти ради, а токмо чтобы припасть к вашим священным стопам и еще чмокнуть вас в царственный целионский зад. Тем самым лично засвидетельствовать свое бескрайнее почтение, уважение и восхищение. Короче, вот такие мы жополизы и лизоблюды».

Целионам, конечно, безумно приятно. Они расплываются как сыр на пицце в духовке и как самые радушные хозяева говорят: «Кам ин, братья, заходите».

Так вот нет. Так не будет. Целионы, как и земляне, общаются вербально, то бишь прекрасно читают мысли на расстоянии, но если земляне делают это только с разрешения индивидуума, то целионам такие мелочи не нужны, они вскрывают головы легко, как банки с пивом, и естественно. Тут же узнают, что никакие мы не жополизы и лизоблюды, а помыслы наши – не чмокнуть их в задницу, а чпокнуть и отобрать у них летательный аппаратик. Им, соответственно, становится очень обидно, и они лезут в драку. А это они умеют делать очень хорошо, обучены, мать их. Прибавьте к этому приобретенную за время эволюции возможность мгновенно телепортироваться на расстояние до полукилометра, и сразу становится понятно, что в открытой драке мы огребаем по полной, то есть проигрываем.

А еще Гелла пригрозила строго-настрога: даже если возникнет экстренная ситуация, мы ни в коем случае не имеем права уничтожать их физически. Так что кинуть гранатку в ходовую

рубку с криком «Лягай, сволочи», после чего закрыть дверь и ждать, когда рванет, тоже не получится. Поэтому думай, Олежек, напрягайся, чеши репу и решай задачку, как все концы связать вместе.

Я долго прикидывал «хобот к носу», крутя его и так и этак, но ничего толкового в голову не приходило. Стало быть, надо попросить помощь зала, ну, то есть моей команды. Одна голова хорошо, а если добавить к ней еще четыре, то что-то должно получиться. Во всяком случае, на такое положение вещей намекали древние мудрецы. Позвал ребят и на скорую руку объяснил сложившуюся ситуацию, не забыв при этом вскользь пояснить, что я, конечно, чрезвычайно умный, сообразительный и все такое, но вот почему-то именно сейчас мне на ум ничего путного не приходит. Скорее всего, это итог той оплеухи от Ани, которая произвела какие-то ужасные последствия в моем гениальном мозгу. Поэтому я очень жду от них конструктивных, неординарных и крайне оригинальных свежих решений этой головоломки. При этом «Ментос» жрать пачками совсем не обязательно, хотя если кому-то надо, то ради бога. Не возбраняется. Лишь бы результат был налицо.

Тут же каждый наперебой начал высказываться. Все это напоминало форум в древнем Риме или базар вокзал в Жмеринке: когда один патриций или селянка из Браилова пытается протолкнуть свой товар, расхваливая его на все лады, высказывая свои суждения по поводу того, насколько он хорош и что с ним делать дальше, а остальные хором, даже не дослушав до конца, клеймят его пропозицию, находя, что товар несколько не того – залежалый, не подходит, и вообще, у этого предложения миллион слабых мест.

Происходило все это безобразие примерно так:

– Ну, послушайте меня, – начинает с жаром отстаивать свою точку зрения Алина. – Возвращаемся обратно на Грелиосс, отслеживаем эту сучку, отлавливаем ее, накачиваем препаратами, заставляем отвезти нас к целионам на корабль. У нее же там, как и у нас, должен быть свой личный шаттл.

– Угу, а ничего, что там, на Грелиоссе, наши рожи давно засвечены? – вежливо интересуется Андрюха. – Мы к ней на пушечный выстрел не подойдем, да и после последнего инцидента наверняка она усилила свою личную охрану.

– Я уже все придумала – мы пошлем к ней Олега. Он прикинется Ромео, бухнется перед ней на колени, ручки на грудь – не могу, мол, без тебя жить, готов предать всех и вся, только чтобы быть с тобою.

Мне показалось, что эта часть ее плана сильно не понравилась Жанне с Аней. Они обе нахмурились.

– Ну да, конечно, пусти козла в огород, – сказала одна.

– Ему и прикидываться не надо, как увидит эту возрастную, прости господи, так обо всем на свете забудет, – подхватила другая.

– Да и страховать его кто-то должен, а то он у нас и правда натура увлекающаяся. Как только какая-нибудь шалава раздвинет ноги пошире, сразу запомнит, зачем его туда направили, – язвительно продолжила первая.

– Ну, мы же вытащим из прошлого двоих, нам ведь разрешили это сделать? Так ведь, Олег, скажи?

– Все верно, – кивнул я.

– Ну вот. Там их никто не знает, они и будут страховать Олега. А мы будем рядышком, на подхвате. Если что, поможем. Олег вывезет свою бывшую под каким-нибудь благовидным предлогом из города, а дальше, чтобы повязать ее и выполнить все наши требования, – это уже дело техники и психотропных препаратов. Далее, чтобы не привлекать к себе пристальное внимание, к целионам на корабль отправится Светка в сопровождении Олега и меня, а как мы уже захватим звездолет, тогда все стартуют к нам. Все. Дело сделано.

«Раз пошли на дело я и Рабинович», – почему-то совсем не к месту вспомнились слова куплета небезызвестной песенки в стиле шансон.

– Мне не кажется это разумным, – с сомнением покачала головой Жанна, – и потом... Хорошо, допустим, у вас получилось захватить эту профурсетку и вы отправились с ней на корабль целионов. Те влёт прочитают ваши мысли, и все, привет, пишете письма.

– Но здесь, в будущем, обязательно должна же быть какая-то штукавина, которая блокирует доступ к нашим мыслям, – пыталась аргументированно парировать Алина.

– На всякий яд находится противоядие, – пришел я ей на помощь. – Я поинтересуюсь у Геллы на данный счет.

Дальше со всех сторон посыпались вопросы: а как, а что, а почему, а если что-то пойдет не по плану, может, лучше сделать по-другому? В общем, бурное обсуждение текущего вопроса, стоявшего на повестке дня, продлилось довольно долго. В результате мы смогли договориться, или добазариться, даже не знаю, как будет более правильно, лишь до того, что операция должна проводиться обязательно, несмотря ни на какую погоду.

Но тут неожиданно появилась Гелла и спутала все карты.

– Отправка вас на Грелиосс отменяется.

Как? Почему? Совет же дал добро, мы уже все продумали, – шумно возмущались мы.

– Всю группу исполнителей целионов во главе со Светланой Костромской перебросили на Юпиний. Есть такая планета в созвездии Волопаса. И, скорей всего, это сделано неслучайно. Наверняка там затевается какая-то очередная гадость. Поэтому ваша первостепенная задача состоит в том, чтобы узнать, что именно готовят целионы на этой планете, и попытаться по возможности расстроить их планы. Ну а затем, уж если получится и все сложится, там же захватить в плен Светлану Костромскую и с ее помощью попасть на звездолет противника. Но вы должны четко понимать, – тут она очень пристально посмотрела на меня, – на ваши плечи ложится громадная ответственность. Нужно действовать сверхфилигранно. Ошибки не прощаются. Поэтому ошибиться нельзя, и проиграть тоже. Вы отвечаете не только за себя, но и за все человечество в целом. У вас это, скорей всего, будет единственная попытка. Я прекрасно понимаю, что на чужой планете все на сто процентов предугадать и рассчитать невозможно, вам во многом придется полагаться на его величество случай. Скорее всего, действовать по наитию, чаще экспромтом. Но главная линия стратегии все-таки должна быть выработана. Что касается технической поддержки, то все зависящее от нас вы получите в полном объеме, в том числе и аппарату по блокировке доступа в ваше сознание. Готовьтесь. У вас в запасе два дня до отлета на Юпиний. За это время вы должны продумать стратегию и выбрать еще двоих членов экипажа из оставшегося резерва. Всю информацию о планете, язык аборигенов, их мироустройство, повадки, обычаи получите во время сна в полете. Мы очень верим и надеемся, что у вас все получится. Храни вас Создатель. Я не прощаюсь. Говорю «до свидания».

Я очень хотел остаться один в своей комнате и спокойно, вдумчиво еще раз просмотреть всех кандидатов из прошлого, чтобы выбрать тех двоих, кто нам нужен. Но ребята не захотели оставлять меня в одиночестве, а изъявили желание принять самое непосредственное участие в этом действе. Причем Аня и Жанна со своей стороны мотивировали это тем, что, зная мое не совсем адекватное отношение к дамскому полу, я запросто могу выбрать неизвестно кого, лишь бы мордашка посмазливее была да ножки постройнее. А нам в команду кто попало не нужен.

Здесь я с девушками был согласен – кто попало нам не подойдет. О чем тут же и уведомил всех присутствующих, обратившись ко всем, и в первую очередь к Алине, с проникновенной речью:

– Алинчик, милый мой Алинчик, я очень ценю тебя и готов идти с тобой хоть в самое пекло, хоть к черту на рога, как, впрочем, и с каждым из вас.

На что Аня громко хмыкнула. Я со всей серьезностью посмотрел на нее и на Жанну, после чего продолжил:

– Да, это так, несмотря на неоднозначное отношение ко мне некоторых членов нашей команды. Но на звездолет целионов я пойду не с тобой, Алина, и не с Аней, Жанной или Андреем. Извините. Это не недоверие к вам, ни в коем случае, просто туда я должен отправиться с человеком, не только технически подкованным, но он должен понимать и чувствовать технику на уровне подсознания, чтобы в считанные секунды разобраться в чужих технологиях. Что. Куда. И как. Это дар божий, талант, и его нельзя приобрести, просто протирая штаны на кафедрах института и зубря с утра до вечера учебники, эта своего рода чуйка дается человеку от природы, таких людей единицы. Таков был наш Виктор, но его с нами нет. Поэтому нам нужно обязательно их там найти, – я ткнул рукой в комп. – И выбор у нас невелик. Нужны двое, а кандидатов всего двенадцать. Наливаем кофе, рассаживаемся и делаем свой выбор.

Я включил комп и уселся, глядя, как оживает монитор с двенадцатью иконками, за каждой из которых пряталась человеческая жизнь, оборванная много веков назад.

Паша с детства был умненьким мальчиком, много читал, вследствие чего не по годам обладал громадным багажом знаний и мощным интеллектом. Естественно, очень сильно выделялся на фоне своих ровесников, которым было намного важнее попинать мяч во дворе, в войнушку поиграть да девчонок за косы на переменке подергать, чем почитать какую-нибудь книжку или приготовить уроки на завтра. А Паша мало того что прилежно учился, но, делая домашнее задание, частенько выходил за рамки заданного, забирался намного выше, захватывая больший объем знаний, чем того требовал учитель. На все имел свои суждения и часто, не стесняясь, высказывал их вслух, нередко удивляя познаниями даже педагогов. Люди опасаются чего-то непонятного, неординарного, выходящего за грань обычного. Поэтому Паша с младых лет в школе был белой вороной, изгоем. Близких друзей у него не было, отношения с одноклассниками тоже как-то не заладились, те его не понимали и не принимали, поэтому сторонились, считали слишком заумным, прилепив к нему, как ярлык, кличку Профессор Гранд Паштет. Некоторое время Паша еще пытался хоть как-то наладить контакт с ребятами, а потом плюнул на все безуспешные попытки, замкнулся, ушел в себя и в учебу. Паша вырос. Стал интересным молодым человеком, физически крепким, поскольку не забывал заниматься спортом, помня, что в здоровом теле здоровый дух. Закончил школу с отличием и с легким сердцем отправился покорять Москву. Легко, играючи поступил на физико-математический. Учился и работал. Незаметно к концу учебы в институте стал ведущим специалистом по наладке банковского оборудования и разработке компьютерных технологий в сфере охраны личных данных банков не только в нашей стране, но и за рубежом. По слухам, таких спецов, как он, в мире насчитывалось только с десяток. Признание и высокооплачиваемая работа помогли стать «отстегнутым», раскрепоститься. Он наконец получил то, чего так не хватало ему в детстве: уверенность в себе и очень много общения. Он больше не был изгоем. Теперь с ним хотели дружить многие, к нему прислушивались, его ценили. Ему было хорошо. Красивая белозубая улыбка не сходила с его лица. А еще Паша спешил жить. Ему хотелось попробовать все, несмотря на то что он в столь молодом возрасте так многого добился в жизни. Он ни на секунду не останавливался, постоянно расширяя свой кругозор. Его интересы были разносторонними. Он много путешествовал. Увлёкся прыжками с парашютом, потом, повышая градус, перешел на парапланеризм и наконец стал завзятым бейсджампером. А еще по вечерам, купив себе белую спортивную «Субару», благо зарплата позволяла, оттюнинговав ее по полной, выставлялся на гонках, став одним из самых безбашенных стритрейсеров, часто выигрывая в этих сумасшедших заездах по ночному городу. А какие он делал фоторепортажи из тех мест, где побывал... просто фантастика. И еще многое, многое другое. Он как будто испытывал себя на прочность, на излом, пытаясь понять наконец, чего он стоит, из какого теста замешен. Ну

и, наверное, подспудно, хоть он и не признавался себе в этом, доказать своим бывшим одноклассникам, что он не только заумный зубрила – Профессор Гранд Паштет, а настоящий мужчина, который ничего не боится, а любой опасности смотрит прямо в лицо.

В один прекрасный день ему поступило предложение, от которого невозможно было отказаться, – одна из крупнейших западных фирм в той области, в которой Паша трудился, предложила сумасшедший контракт с головокружительными цифрами и кучей самых завидных бонусов. Он долго не думал, поставил подпись в нужной графе и переехал в Лондон – к месту своей новой работы. Еще в школе он идеально выучил английский. Поэтому проблем в общении с коллегами у него не было. Нельзя сказать, что они его приняли с распростертыми. Англичане – народ очень закрытый, со своими укоренившимися консервативными традициями, а тут вдруг в их чопорную среду умниц и умников затесался этот русский, а по поводу русских на туманном Альбионе существуют давно сложившиеся стереотипы. Но общались с ним ровно, хоть и с некоторой опаской, пакостей в отношении него не совершали. Постепенно его знания, смекалка, умение и талант моментально находить нужное решение в сложнейших, казалось бы, безвыходных ситуациях, дружелюбный открытый нрав растапливали лед между ним и коллективом, и так, шаг за шагом, он завоевывал уважение и авторитет, становясь почти своим. Спустя полгода его работы в городе вечных дождей состоялся светский раут по поводу удачно заключенной сделки и слиянии с североамериканскими партнерами. Теперь их фирма в своем сегменте рынка могла отхватить самый жирный кусок пирога и не подавиться при этом. На раут был приглашен и Паша как ведущий специалист.

Все мероприятие было обставлено очень красиво, помпезно, но скучно. Приглашенные персоны все сплошь богатые и высокопоставленные особы, важные как павлины, с постными физиономиями, в отутюженных, без единой складочки смокингах и накрахмаленных кипенно-белых сорочках, отхлебывающие из своих бокалов маленькими глотками крепкие и не очень алкогольные напитки. Их спутницы – сухопарые дамы с высокомерными полуулыбками на холеных, с тоннами штукатурки лицах, одетые в дорогие наряды, возможно, купленные специально ради этого вечера в самых элитных бутиках Лондона, но, несмотря на количество денег, потраченных на эти брендовые шмотки от лучших кутюрье, все равно смотрящиеся на их высушенных плоскостонных фигурах как на вешалках. Тут же возле них, как мелкие рыбки-прилипалы возле акул, суетятся гости с более скромным статусом, больше желающие казаться, чем быть. Они, пытаясь изо всех сил угодить, подобострастно согнувшись и преданно глядя в глаза «сливкам» из высшего общества, увлеченно слушают, как те несут всякую ересь и принужденно смеются над тупыми с бородой остротами, которые как корм сплевывают через губу надменно-напыщенные снобы.

Снующие туда-сюда, как автобусы на площади Пикадилли, официанты в бордовых фирменных пиджаках и белых перчатках, старающиеся быть незаметными, ловко лавируя между группками гостей, разносят полные подносы с искрящимся в узких бокалах недурным шампанским, стоившим «недохлых» денег, и с тарелочками, на которых гордо красуются малипусенькие, на пол-укуса, канапешки и еще какая-то снедь.

Паше здесь не нравилось совсем. Как-то уныло, тоскливо, безлико и безжизненно – как на Луне. Хотя вполне может стать, что на Луне-то как раз и веселее. Немного разнообразия вносил приглашенный очень старающийся квартет музыкантов, играющий вполголоса, полупшепотом, чтобы не дай бог не раздражать чванливых гостей, исполняя в основном находящиеся у всех на слуху классические увертюры Баха, Генделя, Бетховена и Вивальди.

Вдруг, как глоток свежего воздуха в затхлом помещении, легким ветерком в зал ворвалась девушка, даже скорее фея в образе девушки – невысокая, с иссиня-черными гладкими блестящими волосами с прямым пробором, которые были собраны на затылке в легкомысленную объемную кичку. Воздушное, желто-канареечного оттенка платье резко диссонировало на фоне блеклых нарядов и невыразительных физиономий присутствующих. Открытые

плечи и глубокое декольте оттеняли матовую смуглость ее нежной бархатистой кожи. Само платье, ласково облекая девичий стан, выгодно подчеркивало прекрасные формы девушки-феи: высокую стоячую грудь, тонкую осиную талию, не широкие, но крепкие бедра с упругой попкой. Она остановилась, не спеша обвела всех присутствующих взглядом своих пылающих, как угольки в камине, глаз, будто искала кого-то. Ее немного насмешливый блуждающий взор, не задерживаясь ни на ком, пробежавшись по всем окружающим, неожиданно остановился на Паше. Девушка, ничуть не стесняясь, начала бесцеремонно изучать его. Паша, не привыкший к столь откровенным знакам внимания со стороны обжигающе обворожительных девушек, немного засмутился. Он даже обернулся назад, покрутив головой, чтобы удостовериться, точно ли именно на него смотрит вошедшая красавица. Сзади никого не было, поблизости тоже. Значит, ее заинтересовал все-таки он. Девушка, видимо, почувствовав, что Паша слегка сконфузился под ее пристальным взглядом, ослепительно сверкнув белоснежным жемчугом зубов, ободряюще подмигнула ему. Он улыбнулся ей в ответ. Девушка, немного подумав, видимо, что-то решив для себя, схватила бокал с шампанским с первого попавшегося ей подноса, который проносил мимо один из официантов, сделала короткий глоток, после чего направилась напрямиком к Паше.

– Хелло, – сказала она, подойдя вплотную. – Вы меня извините, что уставилась так на вас, но вы тут среди всего этого паноптикума единственное живое лицо.

По тому, как она, коверкая, тянула слова, Паша сообразил, что она американка.

– А вы самая прекрасная девушка, которую я когда-либо видел, – неожиданно для себя выпалил Паша.

Она, откинув голову назад, задорно расхохоталась.

– Сесилия, – представилась девушка-фея и протянула руку.

– Павел, – ответил он и пожал ее руку.

– А у вас, Павел, странный акцент. Вы же не коренной англичанин? – сделал небольшой глоток игристого напитка, поинтересовалась она.

– Вы правы, я не местный. Впрочем, также как и вы.

– А откуда, позвольте спросить?

– Из России.

– О-о-о-о.

– Что вас так поразило?

– Никогда еще не видела живьем русского.

– Страшно? – спросил Паша.

– Конечно, еще как, – она игриво стрельнула глазами поверх своего бокала. – Я слышала, что русские готовы на все, чтобы добиться своего. Хотя мне почему-то кажется, что вы не станете скармливать меня медведям. Или я ошибаюсь?

– Господь с вами. Я хоть и русский, но совсем не варвар и не собираюсь ни в коей мере сделать что-то плохое девушке такой неземной красоты, да еще таким диким путем. Это не мой метод.

– А как же вы собираетесь добиться своего? Каков ваш метод?

Это уже был вызов. Их роман начался бурно и развивался стремительно. Паша с самого начала был сражен, очарован, околдован, опрокинут Сесилией. Он чувствовал себя щепкой, оказавшейся по воле случая в стремнине горной полноводной реки. Его как будто всасывало в один из многочисленных водоворотов, а когда казалось, что все, уже не выбраться, то резко, толчком выбрасывало на поверхность и снова уносило куда-то прочь до следующего водоворота.

Сесилия Паркер была дочерью одного из американских акционеров вновь образованной компании, где трудился Паша, богатого сукина сына Джона Паркера, который катился по жизни как бульдозер – ни с кем и ни с чем никогда не считаясь, втаптывая в асфальт всех, кто

становился у него на пути. Но дочурку свою обожал. Ей с малых лет позволялась все. Сесилия к этому привыкла, она всегда получала то, что ей только заблагорассудится. Имела своенравный, взбалмошный, напористый характер и неумный сексуальный аппетит.

Спустя пару месяцев их сумасшедшего романа, когда Паша понял, что без Сесилии просто не представляет свою дальнейшую жизнь, он собрался с духом, купил на все отложенные деньги кольцо с «вот таким» бриллиантом и предложил ей руку и сердце. Сесилия не жеманичала, сказала:

– Окей, я согласна.

Чем привела Пашу в неописуемый восторг, дав почувствовать, что такое вселенское счастье. В этот момент он про себя подумал, что отказа не перенес бы.

Свадьба была обставлена с шиком. Само бракосочетание происходило в Америке, в штате Небраска, недалеко от городка Линкольн, в родовом поместье семейства Паркеров. Море приглашенных совершенно незнакомых людей, от количества которых у Паши рябило в глазах и которых он никак при всем желании не смог бы запомнить в лицо, не говоря уже о том, кого и как зовут и кем они доводятся его новой родне, но которые, широко улыбаясь, наперебой поздравляли, дружески хлопали по плечу, жали руку и желали счастья молодым.

С его стороны на свадьбе присутствовали только мама и папа да младший брат. Его родные были явно обескуражены всем происходившим и, казалось, до сих пор боялись поверить, чтобы не дай бог не спугнуть удачу, в то, что у Паши все так прекрасно складывается в жизни и он наконец счастлив. Хорошая, интересная и к тому же высокооплачиваемая работа. Красивая и богатая жена. Ну, правда, что еще человеку нужно для счастья? Они были безмерно горды своим старшим сыном.

После свадьбы у Паши резко пошел рост по карьерной лестнице – один из главных акционеров компании не мог позволить, чтобы его зять долго оставался служащим среднего звена, поэтому содействовал его продвижению, правда, это накладывало на Пашу дополнительные обязанности и добавляло больший объем работы, который ложился на его плечи и с которым ему приходилось справляться, а еще постоянные командировки. Поэтому Паше нужно было всё больше уделять времени работе, он часто задерживался в офисе допоздна и реже, чем ему хотелось бы, видел Сесилию. Но плюсов тоже было до хрена – они с Сесилией перебрались в свой новый, только что приобретенный гигантский дом с кучей спален и бассейном.

Паша, как солидный и успешный человек, ездил на службу на офигительном спортивном ярко-бордовом «Ягуаре» с мощным форсированным движком, который подарил ему тесть на свадьбу. Жизнь удалась.

Остались, так, мелочи, которые обязательно исполнятся чуть попозже. Паша, как ему казалось, был хозяином своей судьбы и крепко держал ее за хвост, а посему мог смело планировать свою дальнейшую жизнь, которая ему самому представлялась сказкой, на годы вперед.

Но когда тебе слишком хорошо, будь начеку и крайне осторожен, надо ждать какой-либо подянки, ее запросто может подкинуть прикормленная фортуна, неожиданно вывернувшаяся из твоих рук, и хлестануть хвостом наотмашь по лицу, если расслабишься, будешь не готов, то будет очень больно. Паша был не готов.

Домой он прилетел не так, как вначале планировал, не ранним утром следующего дня, а поздно вечером этого. Ему удалось быстро покончить со всеми делами в одном из филиалов, и поскольку имелись свободные места на вечерний авиарейс, он не стал дожидаться следующего дня, ночуя в люксе отеля «Хилтон», а решил побыстрее оказаться дома. Звонить и предупредить, что будет раньше означенного срока, не стал – пусть будет сюрприз. Вот Сесилия обрадуется. Впереди их ждал уик-энд, на который у Паши не было планов и обязанностей по работе, наконец они смогут провести выходные вместе. У них не было близости уже целых две недели, этот срок казался Паше очень долгим. «Мы весь уик-энд из постели не будем вылезать», – решил он про себя. Сердце радостно ныло в предвкушении встречи с любимой. Паша

гнал свой «Ягуар» по ночному мокрому от дождя хайвею, дорога из аэропорта не занимала много времени, но ему хотелось побыстрее оказаться в жарких объятиях Сесилии. Поэтому он неосознанно пришпоривал своего железного коня, то и дело вжимая педаль акселератора в пол. Припарковав авто около клумбы возле парадного входа, Паша достал из багажника букет ярко-алых роз, купленный заранее еще в аэропорту, встряхнул его, придирчиво окинул взглядом – да, угадал, Сесилии букет обязательно понравится. После чего поторопился по ступенькам в их уютный дом.

На первом этаже любимой не было. Лишь в полумраке гостиной на столике стояла почти допитая бутылка шампанского да два бокала. «Интересно, что, Деби заходила, подруга Сесилии? Странно, а почему она посуду за собой не убрала? Ну да ладно, наверное, просто засиделись допоздна. Бывает. Сама Сесилия, судя по всему, уже в постели. Ну и хорошо, это я удачно зашел», – радостно подумал Паша и, перепрыгивая через ступеньки в нетерпении, поспешил на второй этаж в их спальню.

За плотно закрытой дверью раздавались возня, стоны, крехи, в общем-то, зная некоторые довольно специфические вкусы и пристрастия, которые водились за Сесилией, Паша не был особо удивлен. Она всегда любила все необычное, часто устраивая им с Пашей всевозможные ролевые игры, говоря, что просмотр фильмов с индексом в три икса помогает и вдохновляет ее на что-нибудь новенькое. А это новенькое им необходимо, чтобы их семейные отношения не переросли в рутину. «Сейчас наверняка, оставшись одна, смотрит платные каналы, где круглосуточно крутят фильмы для взрослых», – решил Паша. В связи со всем вышесказанным на этот вид развлечения в их отношениях не было наложено табу. Поэтому Паша, не придав особого значения очень узнаваемым звукам, широко распахнул дверь, ведущую в их семейный альков, и сердце ухнуло куда-то вниз. В первую секунду он даже не поверил своим глазам и потряс головой, чтобы стряхнуть этот кошмар. Его Сесилия, обнаженная, постанывая от удовольствия, сидела верхом на голом незнакомом мужчине, оперевшись ухоженными кистями рук в чужую волосатую грудь, активно двигая тазом вверх-вниз, совершала бешеные фрикционные движения, отчего ее упругая грудь колыхалась в такт. На ее красивой гладкой смуглой коже спины и покатых плечах от такой старательности выступили бисеринки пота, черные гладкие волосы взмокли и растрепались, лицо покраснелось – это была ее любимая поза, ей нравилось доминировать. Только сейчас под ней был не ее муж – Паша – и не он был причиной ее гортанных, не сдерживаемых сладострастных стонов упоения, не он держал ее двумя руками по-хозяйски за округлую задницу, и не ему предназначались те не совсем внятные, из-за того что она задыхалась в пароксизме страсти, но ласковые одобрительные и нежные слова, которые у Сесилии время от времени слетали с губ.

Паша очень хотел провалиться сквозь землю, но его словно парализовало, он не мог сдвинуться с места, продолжая широко раскрытыми глазами смотреть на весь этот ужас.

На ум совсем некстати пришел анекдот: «Ты видела глаза своего мужа, когда делала минет? Нет? А я видела. Когда сосала у соседа, а тут зашел муж».

Букет роз вдруг стал до невозможности тяжелым, он больше не мог его держать, тот вывалился из ослабевших рук, шумно шурша оберткой, упал на пол, несколько бутонов отломались. Ярко-алые лепестки, словно маленькие самолетик, разлетелись по спальне. На шум обернулась только Сесилия. Тот, второй, был слишком увлечен процессом и ничего не слышал и не видел. В ее глазах, затянутых пеленой сладострастия, не было ни капли раскаянья или хоть грамма сожаления, лишь похоть и легкая досада по той причине, что так не вовремя возвратился Паша и ей, видимо, придется прерваться, не дойдя до конца.

У Павла как будто пелена упала с глаз. За маской страстно любящей жены скрывалось лицо блудливой распутницы, думающей только об усладе своей взбесившейся плоти. Паша наконец обрел возможность двигаться. Развернувшись, он, еле волоча ноги, побрел вниз,

достал из бара дорогушую бутылку виски и дрожащими руками, стуча горлышком о край, набулькал полный до краев хрустальный стакан.

Сам он крепкие напитки не любил, обычно предпочитая хорошее красное вино, а этот виски держал специально для тестя – тот, когда заезжал к ним с Сесилией, мог запросто выхлебать полбутылки зараз. Еще когда Паша повернулся и уходил прочь от оскверненной супружеской спальни, то услышал, как торопливо соскочила Сесилия с кровати. Густой мужской бас тут же завозмущался:

– Ты куда, детка? Я еще не кончил.

– Я тоже. Муж пришел.

– Вот черт побери. Ты же говорила, что он будет только завтра.

– Да, действительно, черт побери. Я тоже так думала. Быстро натягивай шмотки, ноги в руки – и сматывайся отсюда через заднюю дверь, чтобы духа твоего здесь через минуту не было.

Некоторое время было слышно только шелест одежды. И опять тот же густой бас прошептал:

– Все, я пошел. Пока, детка, до встречи.

– Вали отсюда, дебил, – зло прошипела в ответ Сесилия.

Паша быстро, в несколько глотков, давась обжигающим нутро напитком, протолкнул в себя полстакана виски и обессиленно рухнул на диван. В голове полный вакуум. Что делать? Как жить дальше?

Сверху спустилась Сесилия и молча села напротив, закинув ногу на ногу. Изучающе, как естествоиспытатель, смотрела на Пашу как на какое-то редкое млекопитающее. Мол, ну и что ты дальше будешь делать?

«Надо же, – отметил про себя Паша. – Даже халатик на голое тело накинула. Стыдливая ты наша». Паша ждал, что Сесилия сейчас начнет оправдываться, заламывать руки, причитать, просить прощения. Наверное, в глубине души ему хотелось этого. Но нет, тщетно, она с олимпийским спокойствием сидела и смотрела на Пашу. Дыхание ровное, взгляд спокойный, холодный. Он тоже попытался сохранять лицо, хотел промолчать, выдержать паузу, но внутри его кто-то подзуживал, подталкивал задать вопрос, от которого, в общем-то, уже ничего не зависело и который ничего не решал и ничего не поправил бы.

– Ну и сколько раз? – спросил Паша. Как он ни старался сохранять самообладание, но голос его выдал, предательски дрогнув.

– Что сколько раз? – остроила невинно-непонимающую физиономию Сесилия.

– Дурой не прикидывайся. Я спрашиваю, сколько раз ты с ним трахалась! – сорвался на крик Паша.

– Это первый, – не задумываясь, быстро ответила она. – Все случилось совершенно случайно.

Он смотрел на ее невозмутимое лицо, в ее красивые лживые глаза и с ужасом осознавал, что это было не первый раз и, скорее всего, тот мужик наверху был далеко не единственным, для кого его супруга открывала свои врата рая. Его Сесилия, которую Паша обожал и любил всем сердцем, та единственная, богом ему данная и в церкви с ним венчанная.

Но, как сказал кто-то из великих, «если лжешь, то делай это как можно увереннее», – горько усмехнулся он про себя. Паша сделал еще один большой глоток виски.

– Нам надо развестись, – выдохнул он.

– Чего? – Сесилия удивленно приподняла одну бровь. – Павел, давай вот только без истерик. Кто угодно может оступиться. И потом, что значит развестись? Ты же прекрасно понимаешь, все это – дом и машина, высокооплачиваемая работа и резкий взлет по карьерной лестнице – это только потому, что я есть у тебя и мой папенька подсуетился, помог тебе стать человеком, а так ты сам никто, ноль без палочки. До сих пор сидел бы рядовым служащим и

пялился в монитор компьютера за гроши. А попробуешь только рыпнуться, думая, что хоть что-то себе сможешь из этого отсудить, – она обвела рукой дом, – то я вначале пожалуйсь отцу, скажу, что ты меня разлюбил и хочешь бросить, даже не представляешь, что он с тобой сделает, а уж потом напущу на тебя свору адвокатов. Ты не только стопроцентно проиграешь в суде, но тебя еще оберут до ниточки, останешься гол как сокол. После всего будешь выброшен на улицу с волчьим билетом. Устроиться на работу сможешь только на кассу в «Макдональдс».

«Да, – подумал Паша, продолжая накачиваться виски, – как говорила героиня одного культового фильма, “Здесь, в Америке, все просто так, кроме денег”».

– Так что подумай хорошенько, милый, прежде чем начинать какие-то телодвижения, – продолжила Сесилия голосом строгой учительницы, читающей нотацию невежественному ученику. – Ладно, будь пайнкой. Давай все забудем, а сейчас пошли спать.

Она встала с кресла, полы ее халатика распахнулись, оголяя соблазнительное тело. Подойдя к Паше, она попыталась погладить его по голове. Паша, с отвращением мотнув головой, увернулся от протянутой холеной ладони с безупречным маникюром.

От Сесилии смердило, она насквозь провоняла чужим мужиком.

– Ну как хочешь, – пожал плечами. – Надеюсь, к утру остынешь. А я пойду спать. Поздно уже, – она демонстративно зевнула и пошла наверх, обернувшись на полпути, дала еще одно ЦУ: – Лучше надолго здесь, внизу, не засиживайся – ночь за окном, и с виски аккуратнее, не налегай особо, а то завтра голова болеть будет.

Она была убеждена в том, что все прекрасно, и в доходчивой форме разъяснила ему, разложила по полочкам, как устроен этот мир, кто Паша есть на самом деле такой и какая ему уготована роль. Пусть знает, смирится и не возникает. Поэтому она спокойно пошла спать, уверенная в том, что Паша все для себя уяснил в полной мере и никуда не денется. А действительно, куда сможет деться баран из хлева, где его каждый день ждет вкусная еда и свежее питье? Разве он сбежит от такой жизни? Он уже не понимал, от чего его больше трясло: от того, что Сесилия изменяла ему напропалую, или же от ее непоколебимой наглой уверенности в том, что он посидит сегодня здесь, внизу, на диване, немного выпьет, все обмозгует, взвесит, пережует и проглотит. Ну, может, подуется несколько дней для порядку, а дальше все у них пойдет как и прежде, как будто ничего не случилось.

– Сука!..

Он остервенело подливал и подливал себе еще виски, желая напиться до отупения. Наконец его организм сдался, глаза закрылись, и он вырубился прямо тут, на диване, не раздеваясь. Проснулся от того, что лучики солнца, проникающие в комнату через неплотно задернутую штору, игриво резвясь, тепло щекотали щеки и веки закрытых глаз. Паша, не отрывая тяжеленную, словно чугунную, голову от диванной подушки, попытался сориентироваться, где он и как. Открыв глаза, первое, что увидел перед собой, – пустую бутылку виски и опрокинутый стакан на журнальном столике. Мысли, услужливо пробежавшись, сделали круг и вернулись во вчерашний вечер. Он вспомнил все в мельчайших деталях. Это казалось каким-то кошмаром, чем-то нереальным. Неужели это правда? Неужели то, о чем придумано столько анекдотов, в которых давешняя ситуация обыграна в разных вариациях и над которыми он сам часто от души хохотал, произошла с ним, он стал антигероем одного из этих дурацких анекдотов? Стало очень противно. Осознание этого усугубило и без того отвратительное состояние, в котором он находился, – голова раскалывалась, во рту как будто стая кошек пробежала и нагадила. Солнышко, ласково светившее за окном и напоминавшее о том, что сегодня уик-энд, никак не радовало, на душе серо и паскудно. Те же кошки, которые пробежали во рту, теперь скребли на душе.

Наверху о чем-то по телефону трещала Сесилия. Паша попытался сфокусироваться, прислушался, и, поняв, о чем она болтает со своей подругой, стало совсем невыносимо – как ножом по сердцу несколько раз полоснули. Она весело, с шутками, с прибаутками, как забавное при-

ключение пересказывала своей близкой подруге Деби ночное похождение. После фразы «... представляешь? И тут заходит мой благоверный» раздался ее залихватский смех. Наверное, Деби в полной мере оценила пикантность ситуации, о чем тут же не преминула поведать, вызвав тем самым новую порцию глумливого веселья Сесилии. Смех яркий, заразительный. Он всегда так любил его, а вот сейчас ненавидел. Сесилия, закончив болтать, что-то напевая про себя, отправилась в душ.

Все. Больше он не мог оставаться в этом доме, под одной крышей с НЕЙ. Самое время уходить. Встал, окинул взглядом себя в зеркало. Ну и видок – весь помятый, неухоженный, подавленный, в глазах нездоровый блеск. Говорят, глаза – зеркало души. Сейчас по его глазам побитой собаки любой мог констатировать, что душа у него совсем больная, и высшего медицинского образования здесь не требовалось – мешки под глазами, на щеках жесткий ежик щетины, отросшей за ночь.

Приводить хоть как-то себя в порядок не стал, решил идти как есть, пока Сесилия плещется под душем, чтобы не видеть ее больше. Общаться с ней было выше его сил.

Выйдя во двор, глянул на красавца «Ягуара», преданно ожидающего своего хозяина, сверкая на солнце мокрыми то ли от росы, то ли от вчерашнего дождя никелированными боками.

«Да, ты права, Сесилия, это не мое», – достав из кармана мобильный телефон и ключи от автомобиля, бросил их без какого-либо сожаления на капот.

«Вот так», – сунув руки в карманы брюк, не оглядываясь, отправился куда глаза глядят. Теперь у него было много свободного времени, и он больше никому ничего не должен.

Казалось, ты все бросил, ушел, разорвав тем самым все, что тебя связывает с твоим бывшим любимым, как ты думал, самым близким на всю оставшуюся жизнь человеком. Но твое сердце оказывается привязано к нему намного крепче, и эти невидимые связи проросли в тебя так глубоко, что их просто так не вырвать и не выбросить – корни все равно останутся внутри, будут саднить и саднить постоянно, напоминая о ней.

Паша это понял через несколько дней. Боль не утихала, а рана не затягивалась. А самое противное – что Паша потерял к своей жизни хоть какой-то интерес. Он ел, пил, спал, но все это делал машинально, механически, потому что так надо. В голову все чаще пробиралась одна и та же мысль: «Зачем жить, если тебе никто другой не нужен, а ее больше никогда не будет рядом? Да и не нужна она рядом, если ты не любим ею и предан, а твои чувства растоптаны и вываляны в грязи». Он не видел в своем дальнейшем существовании хоть какого-то смысла. От этой постоянной душевной боли, выворачивающей наизнанку все его нутро, можно избавиться. Действовать только надо радикально. Разрубить все одним махом.

Как-то на закате дня он проходил мимо старинного, уже заброшенного кладбища. Солнышко, уходя, забирало с собой день и уступало потихоньку свое место на темно-бирюзовом небосклоне хозяину ночи – бледно-желтому диску луны и ее преданным вассалам – россыпям ярких бриллиантов звезд. Само дневное светило, как будто прощаясь, еще цеплялось оранжевыми лучами за кроны многолетних деревьев, запутываясь в их могучих ветвях, и бликовало на кладбищенские надгробия плит, заросших седым мхом, заставляя их на границе дня и ночи отбрасывать длинные таинственно-причудливые тени, а вокруг какая-то торжественная тишина, даже птиц не слышно. Паша был поражен этой тихой неброской красотой спокойствия и умиротворения последнего приюта людей на этой земле, полной боли, унижений и несбывшихся надежд. «Теперь они действительно свободны», – подумал он. Вот же оно – решение и ответы на все вопросы сразу. Почему-то ему казалось, что, уйдя из жизни, можно лежать в могиле и созерцать эту печальную красоту со стороны, стать единым с ней неразрывным организмом, удачно вписавшись в нее. Мысль эта глубоко запала ему в душу. Он начал обдумывать, обыгрывать ее с разных сторон, пока не пришел к пониманию, что так должно случиться. Для себя он решил – это предопределено свыше и поэтому неизбежно. Надо только найти способ,

как уйти. Поскольку мысль о самовольном уходе завладела полностью его сознанием, он начал подыскивать тот самый способ покончить с собой, чтобы это в глазах окружающих смотрелось по-мужски и в то же время было красивым, ярким и запоминающимся.

Вспомнились его затяжные прыжки с парашюта, когда купол еще не раскрылся и ты летишь навстречу земле с бешеной скоростью, расставив руки в разные стороны, кажется, что ты сможешь сделать невозможное – обнять землю. Свист в ушах, и адреналин литрами вбрасывается в организм, создавая непередаваемые и от этого незабываемые ощущения. «Да, так лучше всего», – решил Паша.

Почему-то ему хотелось это сделать с вершины Гранд-Каньона, хребет которого расположился в штате Аризона, и сделать это без парашюта, чтобы в последний момент не было соблазна дернуть за кольцо, распахнув тем самым спасительный купол, – уходя, уходи. Что Паша и сотворил, постояв немного на краю, сделал тот самый злосчастный шаг вперед в пропасть. В смерти нет ничего красивого. Многие думают, что вот они, такие симпатичные, ухоженные, будут лежать в гробу, утопая в душистых цветах, а все остальные присутствующие на скорбной тризне будут, непременно рыдая, рвать на себе волосы и кусать локти, наконец осознавая, как они были не правы по отношению к покойному. Не увидели. Не пожалели. Вовремя недооценили. Чушь. Как правило, всем наплевать. Кроме твоих самых близких мамы и папы, которым будет ужасно, нестерпимо больно. Так что подумай, прежде чем сделать это с собой. Если тебя и это не остановит, тогда, закрыв глаза, представь, что, когда тебя зароят, твое красивое и неповторимое, как тебе казалось, тело будет, смердя, распространяя вокруг сладко-противную тошнотворную вонь, разлагаться, а жирные черви, копошась в твоих внутренностях, станут не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой, выглаживать куски плоти до самых костей, и ты, когда-то живой и полный сил, никогда больше не поднимешься на заре с первыми лучиками солнца, не увидишь это потрясающее бесконечное небо над головой и до пыльной травы не дотронешься больше руками. Паша уже после прыжка выглядел неважно, с первых секунд пошло не так, как он задумывал: стукнувшись головой о неизвестно откуда взявшийся острый выступ скалы, он размозжил голову, разбросав мозги с кровью по нагретым солнцем камням, и моментально умер. Потом его тело, как тряпичная кукла, хаотично стучалось то об один каменный уступ, то о другой, разрушаясь по дороге к земле, пока не превратилось в бесформенный окровавленный куль с костями, в котором не то что Пашу, а человека опознать сложно, глухо стукнулось о дно ущелья.

Вездесущие кондоры, грифы, стервятники были уже тут как тут. Расправив крылья, мягко приземлились возле человеческих останков. Неуклюже, с опаской, все время вертя головой в ожидании подвоха, сделали пару шагов в сторону неожиданного ужина, свалившегося прямо с небес. Наконец успокоившись, начали, утоляя голод, поочередно выклевывать, безжалостно отрывая, по жирному ломтю мяса от Пашиного тела, или скорее того, что от него осталось.

Я остановил запись и, повернувшись, обратился к своей команде:

– Надеюсь, по этой кандидатуре ни у кого вопросов не будет?

– Ну, не знаю, – задумчиво произнесла Аня. – Какой-то он малахольный. Подумаешь, подруга загуляла. Вот невидаль, и сразу башкой с обрыва.

– Ну, во-первых, не подруга, а жена, – впервые за последнее время не поддержала ее Жанна.

– Ну, жена. Какая, нафиг, разница? Все равно не повод счеты с жизнью сводить. Плюнул бы на эту сучку. На ней что, свет клином сошелся? Она что, какая-то особенная?

– Любил он ее крепко, – встала на защиту чести и достоинства Паши Алина, привычно заправляя своими длинными музыкальными пальцами непослушную седую прядь волос за ухо. – Может, для тебя это ничего особенного, потому что серьезных чувств пока ни к кому

не испытывала, не знаешь еще, что такое настоящая любовь, а он без Сесилии себе жизни не представлял, вот и голову от горя потерял.

– С чего ты взяла, что я никого никогда не любила? – тут же взвилась Аня. – Просто сопли никогда не распускала. И потом... Ты что, единственная в целом мире знаешь, что такое любовь? У тебя какая-то особая монополия на определение, у кого настоящие чувства, а у кого нет? Это ты такая знающая и умная стала, потому что Юра погиб?

Вот это дополнение Всадница без головы вставила зря. В драке этот прием называется «удар ниже пояса». Алина вся вспыхнула. Зло сузила глаза.

– Зато у тебя, я смотрю, есть исключительная индугенция, чтобы быть конкретной стервой.

Конфликт разгорался.

– Девочки, прекратите сейчас же!! – попыталась выступить в роли миротворца Жанна. – Ань, извинись, пожалуйста, и забыли. Мир.

Но Аня не из тех, кто готов извиняться или брать свои слова назад.

– С каких это я буду извиняться? – презрительно хмыкнула она, дернув плечами.

Андрюха не вступал, дипломатично отмалчивался. Влезать лицу мужского пола в женские разборки очень опасно – может прилететь – мало не покажется. Причем от всех трех участниц конфликта. Дамы запросто могут заключить перемирие на короткое время ради высокой цели, после чего объединить усилия и выступить сообща – общим фронтом – против мужчины, загнать его в угол и замордовать – это святое. А пусть знает свое место и не суется куда ни попадая, то есть под горячую руку. Ату его, ату. Поскольку Андрюха отмалчивался уже не первый раз, прикинувшись ветошью, и не отвечивал, пришлось гнев «волчиц» переключать на себя. Мне не привыкать быть битым. У меня шкура толстая, дубленая – все выдержу, все стерплю.

– Так, девоньки, не хватало еще, чтобы мы все здесь вдрызг переругались из-за какой-то глупости, выясняя, кто кого когда по-настоящему любил или это было понарошку. Не ради этого мы здесь собрались. У нас, как мне кажется, были другие планы. Так что отставить выяснения до лучших времен.

Они одновременно все трое повернули свои хорошенькие головы ко мне. Почему-то это очень напомнило научно-популярную и крайне познавательную телепередачу, которую когда-то смотрел по зомбоящику на канале «Animal Planet». Она рассказывала о незаурядной жизни рептилий, именно так реагируют кобры на любое движение в их сторону, рассматривая это как покушение на их личное пространство. Они, распустив капюшон, готовы тут же вцепиться в появившегося наглеца острыми смертоносными зубами, по которым стекает убийственный яд, ну, во всяком случае, у меня были такие ассоциации. «Сейчас прилетит, сейчас точно прилетит, – залепетал мой внутренний голос. – Ой, что теперь будет? Вот дурак. Тебе что, больше всех надо было? Ну, собачились себе и собачились девушки. Поругаются, потом помирятся. Потому что девчонки ругаются – только тешутся, а вот тебя не пощадят».

– Глупости? Для тебя любовь – это глупости? – прошипела Аня, гневно сдвинув брови и уже приоткрыв рот, готова была вцепиться и выпустить в мою брентную тушку весь яд без остатка.

«Мамочки!!!» – завизжал как резаный мой внутренний голос.

И опять я сработал на опережение:

– Ты неправильно меня, Аня, поняла. Я никогда не считал высокие чувства глупостью. Просто сейчас у нас на повестке дня совсем другой вопрос. Вы поймите, друзья, – обратился я уже ко всем, посчитав, что тем самым по-быстрому закончу прения по этому сложному и скользкому вопросу. – Паша нам очень нужен, он чрезвычайно умный парень. Даже до конца не зная всего, на подсознательном уровне, по наитию сможет разобраться с любой техникой. В том числе, думаю, что и с установкой целионов справится. Таких, как он, единицы на

миллион, а может, даже на миллиард, а у нас выбор не велик – всего двенадцать кандидатов. Это просто удача, что он есть в заявке.

– Если он поможет, – устало произнесла Алина, – то здесь и обсуждать нечего.

– Я тоже так считаю, – поддержала ее Жанна.

– И я, – неожиданно ожил Андрюха.

«Странно, – подумал я. – А мне уже начало казаться, что он превратился в каменного истукана наподобие тех, которые дислоцируются на острове Пасхи, и вообще разучился говорить».

Все взгляды теперь обратились на Аню. Та больше не стала спорить, просто пожала плечами, мол, смотрите сами, если что пойдет не так, я предупреждала.

Я еще раз пропустил на компе последние минуты жизни Паши и за мгновение до того, как его голова соприкоснулась с выступом скалы, прекратив тем самым его жизненный цикл, навел на Пашу красную рамку, сопровождавшую его на мониторе, и щелкнул от души пальцем по кнопке мышки, своим действием вытащив его в последний момент из лап смерти.

– Все. Пошли встречать, – коротко бросил я остальным и, не оглядываясь, отправился в белую комнату.

Паша, как и все мы когда-то, полулежа висел в воздухе.

– Ну что, дружище, давай знакомиться.

Он внимательно и бесстрастно нас выслушал. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Казалось, он ничему не удивлялся, во самообладание, а может, он в своей прошлой жизни дошел до такой точки, что его чем-то удивить уже невозможно. Простое человеческое спасибо мы от него тоже не услышали.

– Хорошо. Чем смогу, помогу, – только и сказал он. – Где мой угол?

– В смысле?

– В смысле где я пока могу перекантоваться?

Я был слегка обескуражен, если не сказать больше. Неужели, попав в будущее, убежав от смерти, это единственное, что его интересовало?

– Паш, мы не знали, какую ты для себя выберешь обстановку и где тебе будет комфортней, поэтому просто представь, что за интерьер ты хочешь увидеть вот за той стеной, и, как в сказке, все исполнится.

– Понятно. Ладно, я пойду, мне хотелось бы побыть одному. Когда понадобится, позвоните.

И удалился. Мы переглянулись.

– Ну и? – окидывая меня недобрый взглядом и уперев руки в бока, поинтересовалась Аня. – Гений, говоришь?

– Он очень странный, – задумчиво вымолвила Жанна, глядя в ту сторону, где за стеной только что растворился Паша.

– Да, похоже, что он большой оригинал, – согласно кивнула головой Алина.

– Не то слово, – злорадствовала Всадница без головы.

– Ну что вы прицепились к парню? Устал, решил отдохнуть.

Я пытался замять Пашину, даже не знаю, как правильно назвать это, неучтивость, что ли.

– А от чего он устал? Он что, вагон угля только что разгрузил?

В Анином вопросе присутствовала изрядная доля сарказма. На это парировать мне было нечем.

– Слышь, Олег, а этот Паша не захочет снова, того, откуда-нибудь клювом вниз сигануть? – задал мне Андрюха вопрос, который, если честно, меня самого мучил.

«Что-то ты, Андрюш, совсем разговорчивый стал, прямо Цицерон», – про себя отметил я. Вслух же сказал другое, пытаясь убедить всех и прежде всего самого себя в правильности сделанного выбора:

– Здесь неоткуда падать, плюс за нами, а стало быть, и за ним, автоматика неусыпно следит днем и ночью, и потом он нам обещал помочь, а такие люди, как правило, слово держат. Так что не должен.

– Но полной уверенности у тебя нет? – криво ухмыльнулась Аня.

– Не, ну как? – тянул я паузу, не зная, как ответить ей. – И потом он нам нужен по-любасу и все. Точка. Пошли выбирать второго кандидата. То есть кандидатшу, – нашелся я.

– Так. Подразумеваю, у тебя наверняка уже на примете кто-то есть? – голосом строгого следователя, производившего допрос подозреваемого в мошенничестве, совершенном им с особой циничностью и в особо крупных размерах, допытывалась Аня.

Я уклончиво мотнул головой.

– Тоже гений? – продолжала цепляться Аня.

– Не исключено, – с достоинством отвечал я.

– Наверняка такая же странненькая, но, видимо, шибко умненькая, – язвила она вовсю. – У тебя прям талант в подборе гениальных кадров прорезался. Я не удивлюсь, если эта твоя новая кандидатша из дома престарелых. Скажи честно, понравилась, вот и решил спасти старушку.

– Слушай, Ань, может, хватит ко мне цепляться и доставать? Давай жить дружно, – сказал я примирительно, нацепив на себя маску кота Леопольда. – А что касается кандидатов, то просто поверь мне, очень тебя прошу, потому что те двое, что я выбрал, – они нам нужны, без них мы не справимся.

Но Аня не хотела со мной мириться.

– Ты, милый мой, еще не знаешь, что такое цепляться и доставать, а дружно жить с тобой не хочу. То есть я вообще не собираюсь с тобой никак жить. А что касается веры, то... я тебе один раз уже поверила. И к чему это привело? Просто взял и наплевал в душу.

Я устало махнул рукой. Спорить или что-то доказывать в свое оправдание было бессмысленно.

– Ладно, идемте. Если у кого-то будут сомнения по поводу девушки, которую я выбрал, значит, будем искать какую-то другую девушку, но еще один человек нам необходим.

Женя, Женечка с детства была небольшого росточка – Кнопка, как ее поначалу все родные и звали. Была она единственным ребенком в семье. Родители ее любили безгранично и, естественно, баловали как могли. Но эгоисткой она не была ни в коем случае. Ее папе и маме удалось воспитать и сформировать целостного и непосредственного человека, имеющего на все свою точку зрения. Как и всем девочкам, Жене очень нравилось разглядывать себя в зеркало. Мне кажется, они, девочки, полжизни уделяют общению с этим неотъемлемым и, наверное, самым главным и обязательным атрибутом из их личных вещей. Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи... Ну, вы, конечно, помните. Женя была еще совсем маленькая, когда, посмотрев по телику, как выглядят модели, и подслушав разговор взрослых о том, какие красивые эффектные девушки ходят по подиуму, подбежала к зеркалу, придирчиво рассматривая и сопоставляя себя с ними, поняла, чего ей не хватает, чтобы встать с теми красотками из телевизора на одной ступени.

Она одним движением стянула с себя яркий синий бант и распустила русые волосы, затем, добравшись до маминой косметики, раскрасила бледное личико неумелой детской ручкой, хотя правильно будет сказать «нешадно размалевала» – щедро наложила тени, румяна, мне представляется, именно так индейцы племени сиу наносили боевую раскраску, надела на тонкую шейку массивные бусы, а на ноги – мамыны туфли на высоком каблуке, которые ей были на много размеров больше, закончила свой образ, неровно подправив губы вызывающе яркой помадой. Еще раз окинула себя в зеркало – да, это то, что надо. После вошла в комнату, где сидели взрослые, как ей казалось, походкой ведущей манекенщицы. На секунду наступила

тишина. Взрослые, сидевшие за столом, обомлели. Она посчитала, что произвела невероятный фурор, дабы усилить впечатление и чтобы уже ни у кого из присутствующих не осталось никаких сомнений по поводу того, как она выглядит и на кого сейчас похожа, объявила себя красивой красавицей. Так и сказала: «Я красивая красавица». Чем вызвала необъяснимое для нее веселье со стороны взрослых. Вот это прозвище – «красивая красавица» – с легкой руки прилипло к ней на всю жизнь. Женя так и не выросла, оставшись небольшого росточка, и не превратилась, как в сказке, из гадкого утенка в яркую длинноногую красавицу-вамп, но была милой хрупкой девушкой, хоть и миниатюрной, но неплохо сложенной. Характер добрый, мягкий, отзывчивый, никогда не унывающая, всегда готова, бросив все свои дела, не задавая лишних вопросов, прийти на помощь любому, кто в ней нуждался. Ее очень ценили и любили, потому что Женю невозможно было не любить. Этот человечек был буквально ярким светочем среди полумрака череды серых жизненных будней. Она жила и горела как маленький фонарик, на теплый уютный свет которого, чтобы погреть свою душу, слетались, как мотыльки, ее знакомые и друзья, а друзей у нее было море. Женя была не только душой компании – она была тем редким человеком, к которому шли, чтобы поделиться, ничего не скрывая, и радостью, и печалью и которому, если что, не стыдно поплакаться в жилетку. Подружки делились всем – от неудачной, неразделенной любви до опыта первого, еще непонятого для них секса.

Мальчикам тоже часто нужен был совет, и они также, не стесняясь, поверяли ей свои самые близкие, порой интимные секреты, потому что Женя для них была своим парнем – дружбаном. А вот у самой Жени отношения с мальчиками как-то не складывались – все, кто пытался к ней подкатить, были не те. Не те, кто ей был нужен. Не то чтобы она была привередой, но хотелось принца как из сказки, с которым как в омут с головой. Да и было, если честно, этих поклонников не очень много, по пальцам можно пересчитать. Женя считала, что не стоит разбрасываться, и верила, что все лучшее ее ждет впереди, она еще встретит своего принца – единственного и на всю жизнь. Нужно только немного подождать, судьба обязательно не обойдет ее своим вниманием.

Она уже определила, как в недалеком будущем будет выглядеть ее женское счастье, и вывела для себя формулу своего семейного благоденствия и благополучия – это Он, Она, и самый уютный в мире дом на зависть всем, в который они с любимым, закончив свои дневные дела, будут торопиться каждый вечер, и дети, двое, не меньше – мальчик и девочка, а может, и больше.

Закончив школу с великолепным аттестатом, без проблем поступила в аэрокосмический. Ее всегда манило и завораживало звездное небо, в нем таилось столько загадок и секретов. Она считала, что, обретя нужные знания, станет к нему ближе и обязательно раскроет пусть хотя бы даже небольшую их часть. Своего принца, того, о котором мечтала всю жизнь, она увидела сразу, как только зашла в аудиторию на первую лекцию. Высокий, широкоплечий, подтянутый, светловолосый, в синих потертых джинсах и черном свитере на голое, загорелое, как бронза, тело, который, облекая, подчеркивал всю рельефность его накачанного торса – атлета. С бело-снежной загадочной улыбкой и голубыми, смешливыми, с легкой сумасшедшинкой глазами, немножко самоуверенный, немножко надменный – таков был Алексей.

Женино сердечко дрогнуло и забилось часто-часто. Она всю пару не могла отвести взгляда от его античного профиля, даже не слушала, о чем говорил седой преподаватель, который вел их курс.

Надо сказать, что не одна Женя была очарована сказочным красавцем. За Алексеем охотилась добрая половина женской части коллектива всего института. А он никого не выделял, со всеми общался ровно, на женские хитрости и уловки не реагировал и умело обходил расставленные самыми искушенными и опытными обольстительницами ловушки, не попадая ни в чьи силки. Казалось, его интересовала только учеба.

Прошло два года. Их группа после окончания очередного семестра отправилась в поход на природу. Палатки поставили возле речки. Мальчики ловили рыбу, девочки накрывали на стол. Потом, после сытного ужина, все вместе уселись у костра, впитывая всеми порами кожи обжигающий жар от горящих поленьев и неспешно потягивая вино. Дым ровным столбиком уносился далеко в ночное небо. На самом небе, как желтый кусочек дорогого сыра, повис диск луны, освещая все вокруг как днем. Так всегда происходит в полнолуние. На душе было необычайно хорошо.

– Спой, Женя, – попросили ее ребята.

Когда-то родители научили ее музицировать, для этого специально было приобретено пианино. Два раза в неделю приходил строгий учитель Фридрих Исаакович, который учил ее играть по нотам, но, став постарше, Женя забросила пианино, ее увлекла гитара, ей она была ближе по духу. Слух у Жени был великолепный, самые сложные композиции она подбирала сама, без помощи нот, на слух. Голосом тоже была не обделена. Он у нее был чистый, звонкий и в то же время сильный. Как только она взяла пару аккордов, стало тихо. Запев, приковала все внимание к себе. Ребята просили еще и еще. Репертуар у нее был разнообразный – от слезливых девчачьих песенок до залихватски-мужских. Особенно у нее хорошо получались романсы. Через какое-то время она заметила, что Алексей смотрит на нее неотрывно, и в его всегда насмешливых глазах читалось откровенное восхищение. И это подзадоривало ее, она вошла в раж, играя амплитудой голоса как заправская оперная дива, моментально переходя с высоких нот на низкие.

В этот вечер у них все случилось. И именно так, как всегда представляла себе Женя. Алексей был настоящим принцем – очень нежным, заботливым и внимательным по отношению к ней. Они целовались до утра и никак не могли насладиться друг другом. А потом, уставшие и счастливые, уснули на заре, крепко обнявшись, под залиvistую трель соловья.

Еще через какое-то время Алексей попросил ее руки. Сказка состоялась. Женя летала. Она была счастлива как никогда. Хлопоты по подготовке к самому важному торжеству в жизни каждой девушки – собственной свадьбе – такие приятные, хоть и надо переделать уйму дел: заказать зал, выбрать лимузин и приглашительные, посуду на стол, торт, да еще много, много всего мелкого и крупного. Она уже примеряла свадебное платье, когда вдруг почувствовала непонятную тянущую боль внизу живота.

– Наверное, ты беременна, – лукаво щурясь, предположила мама. – Обязательно сходи к врачу.

Врач как будто окатил ледяным душем, его вердикт был беспристрастным, безжалостным и таким ужасным... Сейчас у докторов не принято жалеть пациентов. Не знаю, почему они вдруг стали такими бездушными, а может, последователи Гиппократы всегда были такими. Они говорят пациентам все прямо, без утайки, без обиняков и какой-либо деликатности, не давая им ни единого, пусть самого иллюзорного, шанса. Каждое их слово, пока они зачитывают диагноз, звучит как забитый в крышку твоего гроба гвоздь. Они даже не удосужатся хотя бы ради приличия отвести глаза, в упор рассматривая больного как некую распластанную на операционном столе, приготовленную для препарации лягушку, пока выносят свой страшный приговор, словно имеют какое-то особое право быть самой главной истиной в последней инстанции, и от этого становится еще более жутко. Почему-то для них совсем неважно, как при этом себя чувствует человек, которому только что поставили страшный диагноз, что у него происходит внутри, в душе. Какой холодный липкий ужас – до крика, – испытывает он. Онкология – четвертая стадия. Срочная госпитализация. У Жени все внутри оборвалось.

– Сколько у меня осталось времени? – чуть заикаясь, но стараясь собрать волю в кулак, спросила она.

– Нисколько, – покачал головой он в ответ.

– Но как же так? У меня свадьба, гости, лимузин, зал. Все распланировано, мне нельзя, я хочу замуж.

Химиотерапия не помогла. Женя, Женечка, красивая красавица, угасала на глазах, она сгорела за пару недель. Алексей не отходил от ее кровати до последнего, не отпуская, крепко держал маленькую, слабеющую с каждым днем ладошку в своей большой и крепкой мужской руке. Как будто этим мог удержать Женю, не дать ей уйти, спасти от Костлявой.

Никто так и не увидел Женю в белом подвенечном платье. Ни Алексей, ни многочисленные друзья, знакомые и родственники, которые пришли проводить ее в последний путь. Оно, платье, отпаренное, отглаженное, но невостребованное, осталось висеть в шкафу на вешалке.

Отпевали Женю в черном строгом платье. Над могильным холмиком из свежeverытой земли, облокотившись о деревянный залакированный православный крест, стоял ее портрет в темной рамке с траурной лентой наискосок, утопающий в цветах.

Я оторвался от монитора.

– Вопросы, возражения? Может, другую кандидатуру хотите рассмотреть? – спросил я у своей команды, заглядывая поочередно каждому в глаза.

Взгляд остановился на Жанне, потому как она нахмурила лоб, видно было, что ее одолевают какие-то сомнения.

– Что не так? – поинтересовался я.

– Слушай, Олег, – обратилась она ко мне, в задумчивости теребя мочку уха. – Но ведь эта девушка умерла не в результате несчастного случая, как все мы, а от неизлечимой болезни.

– Знаю. Поэтому я предварительно переговорил с Геллой на эту тему. У них здесь, в будущем, медицина всесильна. Она, – я кивнул на застывший монитор компа и Женин портрет в рамке, – попадет к нам без каких-либо патологий, абсолютно здоровая.

– Я за, – первая подняла руку Аня, обрывая дискуссию.

– Тогда я, конечно, тоже, – вторила ей Жанна.

– И я, – Алина также подняла руку вверх.

– Вопросов нет, – высказался в свою очередь Андрюха.

– В общем, единогласно, – подытожил я. – Ну и ладушки. Идем встречать девушку Женю.

Женя в жизни была еще меньше росточком, чем мы ее себе представляли, – совсем кроха. Долго ей все объяснять, как она сюда попала и зачем, не пришлось. Она была сообразительная девочка и схватывала все на лету, глядя на нас уставшими глазами, в глубине которых таились еще свежие воспоминания о дикой не прекращающейся всепожирающей боли, которая выворачивала, корежила ее тело, первое, что спросила:

– Я теперь здорова?

– Да, с тобой все в порядке, – подтвердил я.

– А Леша? Вы ведь сможете? – с надеждой в голосе начала она.

– Нет, – я отрицательно покачал головой. – Извини, не получится.

Женя не издала ни звука, лишь до крови закусил губу. Крупные слезы побежали потоком по щекам из чистых лучистых глаз. Алина крепко обняла ее. Та уткнулась Алине в грудь. Женины плечи сотрясались в горьких рыданиях.

– Поплачь, Женечка. Поплачь. Полегче будет, – нежно глядя ее по русым волосам своими длинными музыкальными пальцами, тихо шептала Алина.

Ну, вот так была собрана и доукомплектована наша команда. Мы были готовы к активным действиям и новым свершениям на ниве борьбы со вселенским злом. Планету Юпиний, куда мы направились на поиски и захват Светки, населяли люди, которым еще предстояло пройти долгий и тернистый путь, поднимаясь ступень за ступенью на вершину эволюционного развития.

Как любил говаривать Андрюха: «Народ на Юпинии еще дикий и необученный, которому расти и расти».

Если им дадут, конечно, шанс вырасти и подняться, а не уничтожат на каком-нибудь этапе всех скопом. Ведь наверняка целионы послали на Юпинию Светку со своей командой не на пикник и не на развлекательно-увеселительную тур-прогулку с целью осмотра всевозможных местных достопримечательностей, а для того, чтобы они заварили там какую-нибудь кашу, да погуще. А потом под благовидным предлогом, мол, юпиняне совсем очумели, берега потеряли и от рук вконец отбились, пора с ними решать. Взять под шумок и разнести все нахрен, стерев под корень род человеческий с лица планеты, устроив им на радость Великого Уравнителя полный армагеддец.

Сейчас там царствовал рабовладельческий строй наподобие того, что когда-то был у нас, на Земле, во времена рождения Иисуса Христа. В общем, сама-то по себе планетка была очень даже себе ничего, симпатичненькая: два довольно живописных зеленых материка с теплым мягким субтропическим климатом и щедрыми на всевозможные экзотические фрукты и овощи плодородными землями, которые давали по несколько урожаев в год. В лесах пасется немерено всякой живности, кстати, абсолютно беззлой – никаких тебе там плотоядных динозавров или недружелюбных по отношению к окружающим кровожадных крокодилов. Все мирно и пристойно. Нет, хищники в лесах, конечно, водятся, но ведут они себя без наглежа, с достоинством, и крайне предсказуемы – сожрут с голодухи какую-нибудь нездоровую антилопу или другую болезную зверушку, ну, потом и мучаются несварением, а что делать, доля у них, у хищников, такая. Кто-то же должен быть санитаром леса.

Сами материки омываются со всех сторон опресненным океаном, занимающим большую часть планеты. Лето почти круглый год. Вроде бы живи и радуйся, ешь кокосы, жуй бананы, но род человеческий почему-то изначально является такой скотинкой, что, как правило, сам изговняет себе жизнь по полной, и посторонняя помощь ему в этом неблагоприятном занятии не требуется, сами прекрасно справляются.

Материк, который побольше, был заселен аборигенами и ими же поделен на множество микрогосударств, естественно, рабовладельческих, со всеми вытекающими отсюда... Расклад был примерно такой: в каждом микрогосударстве властвовал свой микротиран, гордо называемый правителем. Причем каждый правитель считал себя не только гарантом конституции, но и истинным демократом, поэтому держал подконтрольный ему народец в ежовых рукавицах и в черном теле, чтобы те не расслаблялись, заставлял ишачить на благо государства, то бишь на себя любимого, не разгибая спину с рассвета до заката, обложив непомерной данью – налогами по-нашему. Так что тому народу, в смысле после уплаты всех податей, еле хватало на весьма скромное пропитание. Ну а если кому что-то не нравилось, пытался возникать, или, там, не дай бог, выразить недовольство действующим режимом, или же сгоряча некорректно выразиться в адрес действующего руководства, то вопрос решался просто – милости просим на эшафот, несогласный вы наш. Смертная казнь, и точка, без лишних обсуждений, крайне распространяемая профилактическая мера на Юпинии. «У нас демократия, понимаешь, а не вседозволенность», – назидательно говорили правители, грозя при этом указательным пальчиком.

Правитель не только грабил и издевался над своим народом сам, но и давал такую возможность своим выкормышам – вельможам, всячески поощряя их. Главное, чтоб не забывали заносить время от времени некую сумму в звонкой валюте, а уж те старались перещеголять друг друга, кто больше закошмарит обывателей и обдерет их под ноль, окончательно снимет с них последнее. А помогал им держать народ в постоянном страхе недюжинный штат пронтонов – блюстителей порядка. Самое забавное, что каждое из этих государств считалось как бы правовым. Законотворчество было очень развито, при каждом царьке существовал свой карманный сенат, который, демонстрируя имитацию якобы бурной деятельности на благо всего общества, писал и принимал время от времени какие-то законы, и если их почитать, то вроде

бы все они правильные, верные, но вот только ведь законы – как дышло, пишутся, издаются только для того, чтобы держать в узде серую массу собственного населения, и совсем не обязательны для исполнения богатыми и сильными мира сего, но обязательны для малоимущих, которым на роду от рождения прописано быть терпилами.

Правда, справедливости ради надо заметить, что не все хотели быть терпилами. Некоторые, уставшие от постоянного гнета и издевательств, переходили черту, сколачивали небольшие банды и мародерствовали на большой дороге – грабили, насиловали и убивали. Ну, еще по случаю приторговывали людскими ресурсами, то есть работорговлей увлекались. Конечно, большинство из них ловили и, если тем повезет, отправляли в цугундер лет так на двадцать пять, если не повезет, то на эшафот, а уж если совсем не повезет, то на галеру или в каменоломню. Некоторым особо ловким и рьяным бандформированиям удавалось держаться на плаву достаточно долго, главное было особо не зарываться, а вовремя пойти на компромисс. Поскольку вследствие далеко не правомерных действий деньжата у лихих людей водились, то за немаленькую мзду пронтонны закрывали глаза на их безобидные шалости и даже предупреждали заранее, когда готовится очередная облава на них. Главное, чтобы не докучали богатым из состава сливок общества, а так ради бога, грабьте, насилуйте, убивайте и работоргуйте, только платите вовремя, ну и информацией время от времени кое-какой делитесь.

Каждый правитель пытался расширить территории своего царства-государства. Естественно, старался сделать это за счет других. Открывать, там, новые земли, тратя уйму денег из госказны, снаряжая одну экспедицию за другой, – это не вариант. Это не по-пацански, а значит, запахло. Поэтому действовали по отработанной схеме.

Происходило все примерно так: вначале правителем, который созрел к захватнической войне, определялось, кто из «соседей» послабее, узнав от своих лазутчиков о состоянии дел в соседнем королевстве, что трон под тем или иным слегка пошатывается, а его армия далеко не на вершине боеспособности и биться за своего тирана до последнего солдата с воинственными криками «Со щитом или на щите» как бы не совсем готова, и вообще, он всех уже слегка достал и обрыд, он слал гонцов к намеченной жертве, так, мол, и так, хочу с тобой вечной дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, дорогой друг, и вообще, меня тут вчера ночью осенило – мы же с тобой почти кровные братья, нам делить нечего, миру мир, и так во веки веков, и чтобы уж наверняка ты мне поверил, давай закрепим все в меморандуме. Ну, в смысле заключим пакт о ненападении и взаимопомощи, а данное мною слово крепче стали. Ты же в курсе? И подкреплял он все это богатыми дарами, типа смотри, братан, мне для тебя ничего не жалко, потому что ты для меня самый дорогой человек.

Будущая жертва расслаблялась от таких щедрот и, естественно, расслаблялась, теряя всякую бдительность, а сам агрессор в это время активно готовился к боевым действиям, вербуя предателей среди окружения соседнего тирана и подкупая его неблагонадежных военачальников, суля тем молочные реки с кисельными берегами. Ведь недовольные своим положением всегда найдутся.

Если вдруг потенциальный агрессор осознавал, что силенок ему не хватало, в одиночку такой кусок не проглотить, то договаривался с другими не менее падкими до чужого правителями: «А давайте раздербаним соседа. Верный шанс». Потом совершался молниеносный блицкриг. Военная компания заканчивалась тем, что побежденного тирана и его ближайших сподвижников, которые имели глупость вовремя не отказаться от своего повелителя, приговаривали к смертной казни, опорочив и обвинив предварительно во всех смертных грехах.

Затем шел немедленный дележ земель между победителями. Поскольку агрессоры во время очередной военной кампании слегка поиздержались, то и им не мешало бы восполнить прореху в бюджете, но не делать же это из своего кармана. Значит, за маленькую победоносную войну кто-то должен заплатить. Поэтому только что (освобожденному) от местного тирана

народу достаточно доходчиво разъясняли, что им наконец-то принесли свободу и демократию, которой у них до этого не было.

Но ничего в жизни не дается просто так, за все надо платить. Она – эта самая демократия – стоит ой как недешево. Стало быть, подати увеличиваются, а что делать? Другого выхода нет. А если кому что не по душе или он против демократического процесса, который мы все с вами вместе сообща выбрали и по пути которого решили пойти, то, пожалуйста, будьте любезны, пожалуйста на встречу с палачом. Палачей и эшафотов у нас, слава богу, в избытке.

После того как пополнение казны ложится тяжким бременем на плечи вкусившего в полной мере демократии и свободы населения оккупированных территорий, можно на некоторое время расслабиться и подготовиться к следующей войнушке.

Такова была политика и стратегия местных царьков – разделяй и властвуй. Особенно преуспел в этом Солнцеликий Тюмениан – злобный, кровожадный, подлый и вероломный интриган – правитель страны Лукренон. Прекрасно разбираясь во всех хитросплетениях внешней и внутренней политики, он мечом, огнем и реками крови прорубал себе дорогу к своей мечте, а именно созданию мощной империи под его эгидой.

Для этого нужно было подмять под себя как можно больше мелких и крупных государств, что он с успехом и делал, не останавливаясь ни перед чем и не гнушаясь ничем. Легко постоянно объединялся с разными правителями во всевозможные союзы, клялся в вечной дружбе, лобызался врасос, уверял в том, что их только что созданный альянс навсегда. Божился чем мог, осыпал подарками и деньгами, а как только подворачивался нужный момент, то тут же наносил резкий колющий удар в самое «сердце», не щадя своих бывших союзников.

Так и шел по головам к своей конечной цели. У него не было близких друзей, никому он не доверял. Был крайне подозрительным и мнительным типом. Доносительство и постоянное стукачество очень приветствовались Тюменианом и были нормой среди его окружения, чтобы его не дай бог никто не подсидел, регулярно проводил чистки среди соратников и сенаторов. Приговоры были скорыми, а казни – публичными – обставлены с помпезностью, приводились в исполнение с фантазией и огоньком. В этом плане латентный садист Тюмениан был большой выдумщик и затейник. Причем народу преподносилось это как борьба с коррупционерами, взяточниками, казнокрадами, а посему предателями интересов жителей Лукренона.

Народу это нравилось, он был в восторге. Поэтому среди масс Тюмениан снискал репутацию правильного пацана. В том, что у малоимущего населения такая тяжелая жизнь, виноваты эти ворюги и мздоимцы, а сам Солнцеликий вроде как и ни при чем. Естественно, у него сейчас столько дел, что за всем не уследить, а эти чинуши, вору конченные, ему нисколько не помогают, а только за его спиной хапают, набивая карманы, и палки в колеса вставляют.

Но ничего, как только Солнцеликий разгребет все дела, непременно вплотную займется благосостоянием масс, вникнет и решит все их проблемы. Народ в это свято верил.

И во время очередной жестокой казни какого-нибудь знатного говнюка-сановника от души рукоплескал своему вождю. Народу хочется верить в доброго и справедливого царя. А Тюмениан как мог поддерживал этот миф, и тут постоянные экзекуции вельмож были ему очень на руку.

В общем, нормальный такой демократический тиран.

Что касается религии, то здесь вообще все было очень непросто. Люди и их правители понапридумывали себе столько богов, что надо было быть семи пядей во лбу или закончить специальный университет, чтобы запомнить всех и каждого, кто из богов за что отвечал и у кого о чём просить надобно. Люди на Юпинии были крайне суеверны. Поэтому храмы воздвигались повсеместно и в огромных количествах, туда не зарастала народная тропа. Захаживали как знать, так и простолюдины, оставляя щедрые пожертвования. Вдруг сейчас наконец кто-то из богов услышит его молитвы и отпустит все его накопившиеся грехи, и тогда можно с чистой,

так сказать, душой и совестью начинать все заново. Ну или изменят постылую никчемную жизнь к лучшему. Это у кого что болит.

Если не получалось достучаться до небес в одном из культовых сооружений, отстроенных в честь того или иного божества, то можно было попробовать свои силы в другом. Вполне возможно, тот бог окажется поговорчивее. Так и бегали из одного храма в другой.

А что? Очень удобно.

Служители культа, которые подвизались на этой ниве и считались как бы проводниками между землей и небесами, очень неплохо питались за счет своей многочисленной паствы. Несмотря на то что население Юпиния молилось как оглашенное своим богам, что такое милосердие, сострадание, прощение, любовь к ближнему своему, по большей части им было неизвестно. Как-то ни одним из представленных богов это дело не приветствовалось.

Вот такая обстановочка в общем и целом была на планете Юпиний, куда наша команда отправилась для выполнения очередной своей миссии.

Пока мы дрыхли без задних ног в анабиозе сном праведников, наш мозг впитывал всю информацию, которую вливал в него корабельный компьютер, о местных жителях, – язык, обычаи и все такое. До самых мельчайших подробностей, не пропуская ни единой мелочи – из чего состоит жизнь аборигенов от их рождения до самой смерти. Наш звездолет, привычно заглотив хренову тучу парсеков, свертывая пространство, совершил скачок во Вселенной и с помощью автоматики выплюнулся из тугой черной материи именно в той точке галактики, куда нам и надобно было.

Устав от бешеного скачка, слегка покачиваясь, предварительно включив режим «невидимка», словно отдуваясь, расположился на заслуженном отдыхе – на орбите абсолютно безжизненной планеты, второй по счету от местного светила и соседствующей с Юпинием.

Можно было, конечно, зависнуть и над самим Юпинием. Местные черта с два разглядели бы нас, да и для спуска шаттла на поверхность потребовалось бы намного меньше времени.

Но здесь сработал старый, выверенный многими поколениями землян принцип: подальше положишь – поближе возьмешь.

Встали мы так далеко специально, чтобы не привлекать особого внимания к своим персонам – мало ли что. Потому как столкнуться раньше времени нос к носу с целионами для нас было крайне нежелательно, вполне возможно, что их корабль тоже болтается где-то поблизости. Они запросто могли контролировать и страховать Светку и ее банду, не улетая далеко с орбиты. Такую возможность исключать не следовало.

Противенько так сработал зуммер таймера, разбудив и выведя нас из состояния глубочайшего сна. Позевывая и сладко потягиваясь, мы, прощаясь с царством Морфея, выскребались из индивидуальных капсул как из утробы матери, словно заново рождались. Наверное, так оно и было на самом деле. Получив во время полета все те знания о месте, где нам предстояло выполнить свое задание, мы уже являлись не совсем на сто процентов землянами, поскольку в нас впихнули достаточно солидный кусок другой, доселе чуждой нам культуры, и мы уже смело могли считать себя юпинянами. Мы многое могли. Намного больше, чем любой средне-статистический житель Юпиния, да что там говорить, мы могли все.

Например, в совершенстве и очень изобретательно ругаться матом на юпинянском. Даже наши девушки знали, как с легкостью вернуть пару крепких словечек, что, согласитесь, немало важно. Вы же понимаете, на чужой планете это первое дело, без этого никак нельзя. Рассмотрим простой жизненный вариант: вы себе в присутствии аборигенов со всей дури хряпнули по пальцу молотком. Ну или же во время вечернего моциона на центральной площади какой-то нахал-инопланетянин, совершенно не замечая вас, увлеченно жуя продукт местного фастфуда, по ходу оттоптал вам лапу, наступив на самую любимую мозоль, и, что характерно, сволочь такая, даже не извинился после содеянного, а пошел дальше как ни в чем не бывало. Как вам тут поступить?

Естественно, как посланцу других миров и представителю высокоразвитой цивилизации, несущей сквозь пространство и время высокую культуру и вселенские знания отсталым народам, вы выскажетесь, и выскажетесь не на своем родном и могучем, а на местном диалекте с использованием идиоматических выражений, включая ненормативную лексику, для того чтобы вас поняли все без исключения. Хотя надо заметить, что наш русский мат для таких ситуаций подходит лучше, он более совершенен, универсален, что ли, да и позабористее будет. Это я вам как человек со знанием трех языков говорю – русского, висбукского и юпинянского.

Наши девушки-красавицы, приняв душ и стряхнув с себя остатки сна, все такие свеженькие и румянькие, как наливные яблочки, доставали из своих шкафчиков местные одеяния, в которых им предстояло щеголять по Юпинию, что-то наподобие туник, и неторопливо облачались в них. Тончайшая невесомая ткань, провокационно оставляя одно левое плечо полностью оголенным и держась на другом, правом, только за счет массивной медной броши, струясь по телу как водные ручейки, обволакивала стройные девичьи станы, не пропуская ни единого бугорка, выпуклости или соблазнительного изгиба, оттеняя их тем самым и скорее раздевая прекрасных фрейлен почти до наготы, нежели скрывая что-то, показывая в самом выгодном свете все то, чем может гордиться красивая сексапильная девушка. Материя каскадами спадала до самых ступней, одетых в открытые плетеные сандалии на совсем незначительном каблукке. Кожаные ремешки, на которых держались сандалии, переплетая девичьи икры словно змейки, убегали высоко за завесу ткани, заканчиваясь хитроумными застежками где-то там, под хорошенькими коленками. Поскольку по легенде наши барышни все были сплошь из состоятельных семей, то и цвета их туник были не серые, как у простолюдинов, а разных цветов, причем у каждой был свой. Наши красавицы, надев эти, казалось бы, простые и вроде незамысловатые наряды, состоящие из одного цельного куска ткани, еще больше преобразились – им все это безумно подходило. Мы сейчас взглянули на них совсем по-другому – по-новому. Девчонки, с которыми столько всего пройдено и пережито, с которыми хлебнули в полном объеме как хорошего, так и плохого, и, казалось, за то время, что они были рядом, ты уже знаешь о них все, вдруг за счет такого незатейливого маскарада превратились в таинственных незнакомок, становясь немножечко чужими, отдаленными, во всем их облике проявлялась какая-то недосказанность, загадка. С ума сойти можно.

И все же... Среди всей этой феерии сногшибательной девичьей красоты и сексапильной манкости была девушка, которая выделялась, затмевая всех, – это Аня. Если в прошлый раз перед посещением планеты Грелиосс Всадница без головы, не стесняясь в выражениях, как сапожник ругалась, понося на чем свет стоит моду и манеру одеваться тамошних аборигенов, жалуясь на то, что ей ужасно не повезло с одеянием, из-за чего она выглядела отвратительно и совсем не так, как бы ей хотелось или как того заслуживала, то сейчас с уверенностью можно сказать, что настал ее звездный час. Темно-пурпурно-лиловая туника, что была на ней, фантастически гармонировала со смуглой бархатистой кожей Ани, как будто была сшита специально для нее по спецзаказу у самых искусных в мире брендовых дизайнеров, и сидела на ее фигуре как влитая. Все незаурядные достоинства восхитительного тела были выделены и выверены эластичной материей с максимально кропотливой дотошностью, до мельчайших деталей, короче, все, что надо было подчеркнуть, было подчеркнуто: от гордой длинной шеи, покатых округлых плеч, крупных дразнящих сосков на высокой упругой груди, рвущихся сквозь ткань наружу, до аппетитнейших налитых полушарий ягодич, плавно, словно разогретый свинец, перетекающих в крепкие пружинистые бедра ее длинных стройных ног. На узких царственных запястьях и великолепных предплечьях обнаженных рук, которыми она сейчас собирала свои густые каштановые волосы в косу и укладывала её на затылке в высокую, по местной моде, хитроумную прическу, красовалось по широкому браслету из сплавов серебра с тисненным изображением восседающих на тронах различных не очень добрых на вид юпинянских божеств. Браслеты являлись не только красивым аксессуаром, но один из них был еще функциональным

средством связи и одновременно маячком, чтобы отследить каждого из нас в любом уголке планеты. Ей все очень шло. Я был уверен в том, что Аня запросто сразит любого индивидуума мужского пола наповал, будь он даже инопланетянин и закоренелый, убежденный женоненавистник, ему не увернуться, как только он ее увидит, то тут же падет ниц. Околдованный ее чарами, потеряв свою мужскую гордость, будет ползать на коленях, умоляя дать ему шанс, а еще я не удивлюсь, если в скором времени Аня станет законодателем моды на Юпитии. Она напоминала собой шоколадный бисквитный торт, приготовленный в единственном экземпляре, лежащий на блюдечке в витрине самого дорогого, с полным набором мишленовских звезд ресторана, куда обычному смертному и войти-то не только страшно, но и попросту невозможно. Обалденно сочный, пряный, щедро политый глазурью, обладающий не только необыкновенно восхитительным вкусом, но, что самое главное, оставляющий после съеденного даже маленького кусочка такое послевкусие во рту, которое ты не забудешь на всю оставшуюся жизнь. Почувствуешь там все: отдающую кислинкой натуральную клюкву, пикантную горечь натурального шоколада, крепость и одновременно восковую мягкость марципана с легкой ноткой абрикоса и миндального ореха, сладость ванильного крема, воздушную пышность взбитых сливок и еще много чего другого неведомого, что туда положил величайший из кулинаров, создавая этот шедевр, хорошо сдобренный выдержанным коньяком и стоящий каких-то безумных денег, и поэтому далеко не каждому, даже очень богатому, человеку по карману, но о котором втайне мечтает любой сладкоежка, проходящий мимо сверкающей витрины и, стараясь от вождления не захлебнуться, глотает собственные обильно текущие слюны, смотря на этот невероятный сказочно-дикий десерт, снос башки, самая потаенная мечта всех сластен.

И вдруг, глядя на Аню, я очень явственно осознал, что, несмотря на смертельную опасность сахарного диабета, я являюсь стойким поклонником и ценителем вот такого дорожущего сладкого шоколадного бисквита и, чего уж там скрывать, самым настоящим сладкоежкой, которого не исправишь и не заставишь жить на диете, придерживаясь здорового образа жизни, отказывая себе в сладком. «Нет. Нет и еще раз нет. Этого не может быть, потому что этого не может быть НИ-КОГ-ДА».

Аня – очень неглупая девушка, прекрасно понимая, какой она своим видом производит вау-эффект, разглядывая себя в зеркало, вроде как полностью абстрагировавшись от всех, никого не замечая вокруг, занималась только собой, но однозначно ощущая спинным мозгом те свехвосторженные взгляды, которые вперила в нее не только мужская, но даже женская часть нашего коллектива. Уверен на все сто пятьдесят – втайне наслаждалась этим. Она, провоцируя всех нас, не спеша, с достоинством и грацией богини, доводила свой и так совершенный в высшей степени образ до полного, умопомрачительного, безукоризненного эталона женской красоты и привлекательности. То взмахнет рукой, поправит чуть выбившийся локон, то томно пригладит ткань на груди и на бедрах, разглаживая несуществующие складочки, по очереди проверит оба браслета на запястьях, насколько прочно они сидят, после чего, чтобы разглядеть себя получше и удостовериться в законченности своего облика, Аня делает шаг назад от зеркала, от этого действия ткань ее туники, чуточку шурша, приходит в движение, как живая, всколыхнувшись, нервной дрожью пробегает сверху донизу по соблазнительной фигуре, еще плотнее прижимаясь к Аниному телу, впиваясь в него, сливаясь с ним. От нее, как от эпицентра разрушительного урагана, в разные стороны исходят всепоглощающие двенадцатибалльные волны чувственного животного магнетизма. Это даже не шторм – это настоящее цунами.

«Анечка, мерзавка ты этакая. Черт тебя побери, что ж ты с нами всеми делаешь? Вот же дрянь». Я понимаю, что больше эту изошренную попытку вынести не в состоянии. Можно, конечно, попытаться отвернуться и смотреть в другую, противоположную сторону, но взгляд, как намагниченный, все равно будет возвращаться против моей воли к этому вселенскому чуду, иконе чувственности и сладострастия. Сердце колотится как бешеное, во рту пересохло, голова

пошла кругом, и земля мало-помалу начала уходить из-под ног. Так недолго и в голодный сексуальный обморок плюхнуться, а это на сегодня совсем не входило в мои планы. Чего мне сейчас очень хотелось – это как-то собраться и из манной каши-размазни превратиться в стойкого волевого мужчину, хладнокровного командира группы, крутого перца, полного хозяина своих эмоций. Таких типов с каменными лицами обычно изображают на плакатах под надписью, выделенной жирным шрифтом: «Не хватайся за оголенный провод, чувак».

Естественно, я тут же сотворил очередную глупость. Включил главнокомандующего, решив таким образом напомнить о себе и заодно хоть как-то стряхнуть с себя это наваждение.

– Команда, – громко сказал я. – Слушай сюда. Все. Хватит возиться и марафетиться. Немедленно заканчиваем сборы, завтракаем и улетаем. Времени у нас не так много. Напоминаю всем: с этого момента говорим между собой только на юпинянском, это приказ, – и в конце соевой зажигательной речи для связки, так сказать, слов и показывая всем, насколько свободно владею юпинянским, я лихо впендюрил в окончание своего монолога несколько крепких словечек из местного лексикона портовых грузчиков и постоянных обитателей лукренонских трущоб. Даром что учил. Звучало это примерно так: «Пиндоло, маноло, ультыяпо», – что означало в переводе на наш русский, опять же примерно, что-то среднее между «Ешь твою медь», «... твою мать» и «... ту Люсю». Последние два – с обязательным для таких случаев глаголом еб...ть. Вышло как-то грубовато. Но результата достиг. Внимание на себя обратил.

В зале повисла тишина. Все друженько так посмотрели на меня. Аня перестала прихорашиваться, отвернулась от зеркала, неспешно подошла ко мне, уничижительно сверху донизу окатила взором своих карих с поволокой очей, после чего на чистом юпинянском процедила:

– Имбецил.

Ну, в смысле аналог этого нехорошего слова на местном диалекте, причем в ее устах это звучало уж очень оскорбительно. Затем так же не спеша, преспокойненько, слегка покачивая своими крутыми бедрами, пошла, словно плывя, на выход. Я смотрел на удаляющуюся суперсоблазнительную фигуру, на ровную, с вызовом расправленную спину, на туго обтянутые тонкой пурпурно-лиловой тканью перекатывающиеся при ходьбе туда-сюда аппетитные литые ягодички и думал: «Матерь божья, святые угодники, нимфы в раю, глядя на эту картину, нервно курят, причем в затяжку». А ведь в переводе на наш мужской язык все Анины жесты и действия сейчас означали одно: «Смотри, недоумок, что потерял, грызи теперь локти». Ну, во всяком случае, так я это перевел, хотя вполне может быть, что толмач из меня не очень.

– Э-э-э-э, – укоризненно покачав головой, печально выдохнула Алина. Махнула рукой, мол, что с имбецила взять, кроме анализов, и тоже направилась вслед за Аней, то и дело озираясь и как-то странно поглядывая на меня, но, слава богу, молча. За Алиной устремилась Женя.

– Олег, как тебе не стыдно? Ты совсем совесть потерял? – рядом со мной неожиданно оказалась Жанна. Сдвинув брови и зло раздувая ноздри, она метала в меня молнии. Это за неимением под рукой чего-нибудь другого – повесомей, помассивнее и потяжелее, например, дубины или бейсбольной биты.

«Ба-а-а, это мне чудится или действительно одна из наших ярчайших представительниц прекрасного пола, а по совместительству еще и ярый обличитель, обвинитель, прокурор и много еще чего другого в одном лице, все-таки снизошла до того, чтобы поговорить с таким ничтожеством, как я? Интересненько».

Я с чувством живейшего любопытства присмотрелся к Жанне повнимательнее. С одной стороны, она вроде как на взводе и пышет гневом, напоминая собой вулкан Этна, готовый вот-вот взорваться, поднимая высоко к небу клубы дыма и пепла вперемешку с раскаленной лавой, даже очень похоже на то, что девушка созрела для того, чтобы в сердцах, от всей души влить мне увесистую пощечину, но, с другой стороны, если взглядеться еще более внимательно, докапываясь до самой сути, то понимаешь, что ее праведный гнев немного наигранный, я бы даже сказал слегка с перебором – опереточный. Кажется, я понял, в чем тут дело. Эврика. А

дело, товарищи, в том, что красавица Аня произвела своим видом форменный фурор, на сей раз замкнув все внимание окружающих на себя. Жанна, безусловно, тоже безумно красивая и безумно сексапильная девушка, но в своей белоснежной тунике выглядела попроще и на данный момент явно проигрывала ярко-жгучей брюнетке с каштановым отливом Ане, и это Жанну, также привыкшую выделяться среди всех, быть центром всеобщего восхищения, здорово злило, хотя они обе вдруг и стали самым непостижимым образом подругами – не разлей вода. Вряд ли кому-то из них просто так захочется уступить корону. Жанне надо было любой ценой заставить вновь обратить на себя внимание, заявить во всеулышание, что она не сошла с дистанции и, в конце концов, готова вернуть себя на пьедестал, на высшую ступеньку, спихнув конкурентку как можно ниже. Дружба дружбой, но дух соперничества никто не отменял. В этой постоянной ой какой нелегкой борьбе за титул «Мисс Вселенная» все средства хороши. Моя скромная персона для этой цели вполне подходила. И то, что есть, за что меня потрепать, было для Жанны очень кстати.

Женщины. Что тут скажешь, как любил говаривать последний президент одной сверхдержавы, которую он же по заданию другой сверхдержавы за совсем скромные отступные с успехом и развалил: «Вот где собака порылась».

Ну что же, это для меня шанс. Шанс на то, чтобы хоть как-то нормализовать мои отношения с той частью экипажа – я имею в виду Аню и Жанну, – которая считает меня законченным сукиным сыном, только потому что я на некоторое время слегка потерял голову. Не сдержался и прыгнул в кровать к той, которую когда-то любил. Значится, так, прежде всего надо как зайчику на мягких лапах поладить с Жанной, после чего помочь ей дотянуться до верхней строчки в турнирной таблице. Хорошо зная Аню, та, почувствовав, что пальма первенства ускользает у нее из рук, точно не захочет уступать лидерство и вынуждена будет смягчить свои санкции по отношению ко мне. Формулу, которую когда-то вывел римский сенат, – «Разделяй и властвуй» – я решил взять на вооружение, она всегда действует безотказно, в этом у меня нет никаких сомнений. Так, шаг за шагом, придерживаясь такой стратегии, я буду продвигаться вперед. Мне правда очень надо вернуть расположение Жанны с Аней, то, что сейчас происходит между нами, никуда не годится. Так больше продолжаться не может. Этому надо положить конец. Я не хочу, чтобы они, сторонясь, молча презирали меня, ну или в лучшем случае услышать от них, как плевков в лицо, далеко неллицеприятные высказывания в свой адрес. Не хочу быть больше для них жупелом, а очень хочу выправить во что бы то ни стало наши рухнувшие взаимоотношения, чтобы они вернулись к теплым, дружеским и мы снова могли нормально, по-человечески общаться. Без прямых оскорблений и язвических подковырок. Мне этого очень не хватает, а в выигрыше от этого будут все, не только я, но и прежде всего наше дело. Мы там, внизу, на Юпинии, должны быть единой командой, не разрозненной пятерней, а мощным сжатым кулаком. Иначе все у нас пойдет через жопу. Ради этого я готов и схитрить. Так что я принял твой вызов, Жанночка, и готов третьей силой вступить в ваше с Аней состязание. Свисток, мяч в игре, и он сейчас на моей половине поля. «Играть» мы постараемся по моим правилам. Жанна явно ждала моей реакции на ее взрывную тираду. Заставлять девушку ждать не политично. Поэтому я, насколько позволяло мое актерское мастерство, напустив на физиономию как можно больше раскаяния, расшаркиваясь ножками, заламывая ручки, потупив глаза в пол, слегка заикаясь, промямлил:

– Извини, Жанночка, пожалуйста. Как-то не сдержался. Мне очень стыдно. Я опустил уши.

– Ты же прилюдно обещал, что в моем присутствии больше не произнесешь ни единого ругательства.

– Но я же на юпинянском, – попробовал я хоть как-то оправдаться.

– А какая разница? Мат – он на любом языке является набором исключительно непотребных, омерзительнейших как на слух, так и на содержание слов. Придуман и годится в упо-

требление для самых низкопробных, грубых, необразованных, быдловатых особей, – я, не поднимая глаз, согласно кивнул головой. – Сколько раз тебе надо объяснять одно и то же? Неужели ты такой тупой, что не понимаешь, что грязная ругань из уст лица мужского пола оскорбляет рядом находящуюся девушку, если она, конечно, приличная девушка, а не те лярвы, к которым тебя так тянет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.